

МИРЫ М. и С. ДЯЧЕНКО

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

МИР
НАИЗНАНКУ

ГОРОДСКАЯ ФЭНТЕЗИ

+
Сериальный фильм
**Обитаемый
остров**

Марина и Сергей Дяченко

Мир наизнанку (сборник)

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=269612

Мир наизнанку: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-38661-1

Аннотация

Людей нет – нас окружают идеи, фантомы, тени и ожившие вещи. Курс доллара становится мужчиной, женщина оказывается вероятностной аномалией, лицо мира оборачивается его изнанкой... В книгу «Мир наизнанку» вошли новые повести и рассказы Марины и Сергея Дяченко. Каждая история существует сама по себе, но вместе, как элементы мозаики, они составляют единое высказывание – если читать все по порядку.

Завершает сборник сценарий фильма «Обитаемый остров», снятого Федором Бондарчуком по знаменитой повести братьев Стругацких!

Содержание

Писатель	4
Мир наизнанку	8
Оса	97
Снег	126
Конец ознакомительного фрагмента.	136

Марина и Сергей Дяченко

Мир наизнанку (сборник)

Писатель

Клавдия Васильевна вызвала меня к себе в кабинет и спросила очень грозно:

– Это что такое?

Перед ней на столе лежала моя тетрадка по русскому языку. Она давно закончилась, и на последней странице я немножко написал от себя. Всего несколько строчек.

– Это что такое, я тебя спрашиваю?!

– Тетрадка, – сказал я и покраснел.

– Вижу! А в тетрадке что?

И она открыла последнюю страницу:

– «Однажды утром капитан Железный Глаз вышел на палубу своего космического крейсера...» Что это? Где ты это прочитал?

– Нигде, – признался я, потому что выкрутиться никак не получалось. – Я это сам придумал.

– Сам?! Придумал и написал?

По ее голосу я понял, что случилось что-то совсем ужасное.

– Ну! Отвечай!

– Я больше не буду, – сказал я и всхлипнул.

– Ты что, писатель? А?

– Нет.

– Может, у тебя есть талант? Говори!

– Нет...

– Может, твоя фамилия Полимеров?!

– Нет...

– Так почему ты позволяешь себе писать в тетради то, что сам придумал?!

Я молчал, потому что отвечать было нечего. Это Ленка-ябеда, наверное, вытащила у меня из парты тетрадку и отнесла Клавдии Васильевне. Она слышала, как я шепотом читал свое сочинение Борьке.

– Я больше не буду...

– Если еще хоть раз тебя на этом поймают, – сказала Клавдия Васильевна, – можешь прямиком собираться в спецшколу! А это я забираю и в четверти по русскому ставлю двойку. Иди и хорошенько подумай над своим поведением!

Я вышел в коридор и стал думать.

Через неделю должна выйти новая книжка Виталия Полимерова. Очень долго ждать. Писатель не может сочинять больше двенадцати книжек в год, потому что писательское творчество – очень медленный и важный процесс. Поэтому мы получаем только по книжке раз в месяц. И нам еще везет, что Виталий Полимеров наш соотечественник. А в других странах, где нет Писателя, еще приходится ждать перевода

на иностранный язык.

На каждой улице висит плакат с названием новой книжки Полимерова. Но и так всем известно, что новая книжка будет называться «Разрывающий гром». Уже по всей стране работают типографии, и миллиарды книг будут напечатаны точно в срок, и их завезут во все книжные магазины, где стоят на всех полках допечатки прежних книг Полимерова. Но это будет только через неделю.

Чтобы хоть как-то скрасить ожидание, я решил сам придумывать приключениялюбившихся героев. Например, капитана Железный Глаз. А из-за проклятой Ленки Клавдия Васильевна меня засекала.

Я грустно взял портфель и пошел домой. Мама огорчится, узнав, что у меня двойка по русскому. А еще больше она огорчится, узнав, что Клавдия Васильевна забрала тетрадку с моим сочинением.

Я сам видел позавчера, как мама, от всех спрятавшись, потихоньку читала телефонную книгу. Мы все очень любим читать. Двести тридцать шесть книг Полимерова, составляющие нашу домашнюю библиотеку, зачитаны до дыр и выучены почти наизусть.

Жалко, что я не Писатель и у меня нет Таланта. Писатель во всем мире может быть только один. Его читают Все на Свете, и еще у него Слава и Огромные Тиражи.

Папа однажды сказал в сердцах, что весь наш мир похож на чью-то выдумку. Такого, конечно, быть не может. Выду-

манные миры существуют только в книжках.

Но будь я писатель Полимеров с Талантом – я бы, конечно, устроил наш мир именно так.

Мир наизнанку

Девятнадцатого мая поздним вечером Лиза вышла из кинотеатра под уличную арку, соединяющую два переулка, темный и освещенный. Влюбленная парочка – единственные зрители, досидевшие вместе с Лизой до конца сеанса, – повернула налево, обозначая свой путь в темноте воркованием и звуками поцелуев. Лиза двинулась направо.

Большие каштаны обступили фонарь: растопырив листья, воинственно вскинув белые свечи, они обворовывали прохожих, оставляя им вместо света паутину теней. Вечер был душный и даже жаркий. В отдалении грохотало – на город шла гроза. Лиза нащупала в сумке ручку автоматического зонтика; зонта, которому через несколько минут суждено было изменить ее жизнь.

Она шагала вверх по переулку, не пустому даже ночью. Прокатили парень и девушка на роликах, прошел, тяжело топая, милицейский патруль. Если бы Лизу спросили сейчас, о чем был фильм, на который она убила сегодняшний вечер, – не вспомнила бы даже за вознаграждение.

Она ходила в кино не затем, чтобы развлекаться или приобщаться к искусству. Она забивала время дешевыми зрелищами, как забивают голодный желудок недоваренной крупой.

На углу, выкипая из клумбы, будто каша из горшка, гро-

моздился куст сирени. Лиза умерила шаг – запах цветов действовал на нее, как на пчелу. Тяжелые соцветия мотались под ветром. Лиза остановилась на секунду, с первого взгляда нашла цветок с пятью лепестками, отщипнула и съела.

Цветок был горький.

Ветер швырнул в лицо пригоршню пыли с песком. Лиза зажмурилась, запоздало сообразила, что лучше бы повернуть к метро, но маршрут менять не стала: шаг в сторону с привычной колеи вызывал страх. Тысячу раз пройденный путь, шорох зубной щетки на зубах, звон посуды и радужные мыльные пузыри в раковине – ежедневная рутина подтверждала своим существованием, что мир незыблем и безопасен.

Песчинка застряла в углу глаза. Лиза мигала, смахивая с ресниц слезы, и упрямо продолжала идти вперед, где уже виднелась остановка маршрутки. Здесь когда-то был навес для пассажиров, потом его почему-то разобрали, остались только металлические трубы, как два дырявых крыла над деревянной скамеечкой. Рядом помещалась будочка валютного обменного пункта. Ее коротенький козырек мог укрыть от дождя разве что летучую мышь.

На асфальт одна за другой шлепнулись первые капли. Лиза вытащила зонтик из сумки – тяжелый и автоматический, как армейское орудие убийства. По мостовой одна за другой катились белоглазые машины – почти невидимые в темноте. Маршрутки не было и в помине. Остановка пустовала,

только у самого края тротуара стоял высокий человек в сером свитере. Он смотрел налево, туда, откуда тянулся поток машин: видимо, очень ждал маршрутку. Лиза остановилась чуть в стороне.

Хлынул дождь. Хлопнул, открываясь, яркий автоматический зонтик, и на остановке сделалось пестро от ягод и ромашек. Замолотили по ягодам капли, дождь летел в свете фар, как спутанные волосы. Человек на краю тротуара не двинулся под ударом воды, не сделал попытки укрыться, только втянул голову в плечи; вся его поза выражала покорность судьбе.

Он вымокнет в две минуты, подумала Лиза, на секунду выныривая из болота привычных мыслей. Сделала несколько шагов, чувствуя, как молотят брызги по щиколоткам, и вопросительно подняла зонтик:

– Может, спрячетесь?

Он повернул голову. Если бы Лиза была блохой, решившей предложить помощь кошке, – взгляд, которого она удостоилась, не мог бы оказаться более скептическим.

Она отступила. Вот так шагнуть с зонтом к незнакомому мужчине – в безлюдном месте, на темной остановке – могла только законченная дура, ага. Вода, заливавшая туфли, показалась вдруг очень холодной.

Человек продолжал смотреть. У него были тонкие губы, сардонически сжатые, и довольно-таки крупный нос. В глазах отражались фары пронесившихся машин.

Потом он молча встал рядом. Лиза почувствовала себя очень скованно; возможно, человек прочитал в ее предложении смысл, которого там вовсе не было? Краем глаза она видела свет, горящий в будочке обменника, и бледное лицо за стеклом; в конце концов, она просто предложила зонт человеку, стоящему под ливнем, только и всего.

– У тебя приличные проблемы, – сказал незнакомец и посмотрел на Лизу с высоты своего роста, сверху вниз.

– Что?

– Ты научилась прикидываться человеком. Но тебе не сладко.

– Что?!

Дождь молотил по ткани зонтика, возможно, из-за этого грохота ей мерещились в устах незнакомца дикие слова.

– Проконсультируйся, – сказал обладатель серого свитера. – Если совсем прижмет – можешь приехать ко мне.

Земля задрожала, из темноты вышел трамвай. Красный, узкий, очень мокрый, он остановился у края тротуара, и двери-гармошки разъехались.

– Спасибо за зонтик, – сказал человек и шагнул внутрь. На секунду стал виден профиль женщины, сидящей на месте водителя: в детстве Лизу поражало, что у трамваев нет руля, только поручень, чтобы вагоновожатый мог держаться.

Двери трамвая захлопнулись. Вагон вздрогнул и покатился дальше, снова задрожала земля. Дождь хлестал, как сумасшедший. Лиза некоторое время смотрела вслед трамваю,

пока не сообразила, что на гладком асфальте нет рельсов.

* * *

– Девушка! Девушка!

Шли и шли друг за другом мокрые лица машин. Дождь колотил по твердому покрытию, капли шлепались, разбивались, подпрыгивали, над землей висела туча брызг, и Лиза не сразу различила за этим грохотом стук по стеклу:

– Девушка!

Она обернулась.

Парень в обменной будке колотил по стеклу костяшками пальцев. Решетка, прикрывающая окошко от грабителей, была похожа на восходящее солнце с растопыренными лучами.

– Да подойдите же! Пожалуйста!

Переложив зонтик из одной руки в другую, перешагивая через сухое пространство из лужи в лужу, Лиза подошла.

– Что он вам сказал? – жадно спросил кассир, бледный, с ввалившимися щеками парнишка лет двадцати с небольшим.

– Он сказал, что у меня проблемы, – призналась Лиза и спросила, помолчав: – У вас что, круглосуточный обменный пункт? Уже поздно...

– Он вас пригласил или нет? Скажите? Пригласил?

Дождь потоками лился с краев зонтика.

– Здесь ведь нет рельсов, – сказала Лиза.

– Конечно, нет!

– И здесь не ходит трамвай.

– Как вы вообще сюда попали? – напряженно спросил кассир.

– Пешком! – она поежилась, чувствуя, как дождь водяной пылью пробивает ткань зонта.

И огляделась.

Блестел асфальт. Остановка казалась нарисованной на мокром стекле, дальние пропорции искажались, как отражение в елочной игрушке. Горел фонарь, и единым потоком шли машины, не останавливаясь, не замедляясь, будто на карусели.

Странно, что никого нет на остановке, подумала она и вдруг замерзла до кончиков ногтей. Кассир настойчиво постучал в окошко:

– Эй! Как вас зовут?

– Елизавета...

– Елизавета, вы говорили с Хозяином, понимаете?

– Нет. Он ваш хозяин?

– Ваш тоже... Как вы сюда попали? Как вы вообще решились к нему подойти?!

– Я просто предложила человеку зонтик, – Лиза отступила от окошка.

– Не уходите! – завопил кассир.

Еще один сумасшедший, подумала Лиза.

Из пелены показалась маршрутка. Лиза кинулась к ней что есть духу, но белый микроавтобус только чуть притормозил, поднял веер брызг и уехал – как будто Лизы не было, как будто остановка пустовала. И машина казалась пустой – Лиза видела, как салон ее насквозь пробивают дальние фонари, высвечивают спинки незанятых сидений.

Она почувствовала, что ноги промокли до колен. Машины двигались в торжественной тишине, мокрая остановка казалась окруженной туманом, как сцена – темнотой.

Медленно, бочком она вернулась к будке обменника.

– Послушайте, Елизавета, – торопливо сказал мужчина в будке. – Если он вас приглашал – это шанс, один на миллион, вы можете к нему приехать. Но только если он вас звал. Что он конкретно сказал?

– Он сказал, что я научилась прикидываться человеком, – Лиза разглядывала кассира сквозь мутное стекло и солнцеподобную решетку.

– Так вы не человек?!

– Я марсианин.

– Зря вы так шутите, – горестно сказал кассир. – Вы посмотрели бы на меня повнимательнее.

Почти против своей воли Лиза вытянула шею и заглянула в темноту будочки. Кассир восседал на офисном стуле – нет, он сам ниже пояса был офисным стулом. Его торс вырастал из сиденья, как орхидея из пня.

– Бред, – прошептала Лиза. Мигнула: наваждение про-

шло, в будке стояла полутьма, а окошечко было таким крохотным, что туда и мелкая купюра, наверное, протискивалась с трудом.

– Хотите поменять доллары, евро? – спросил кассир. – У нас хороший курс.

– Спасибо, – сказала Лиза. Повернулась и, опустив зонтик, мокрая, как мышь, пошла по направлению к станции метро.

* * *

Ее страх выбиться из привычного был, скорее всего, простым неврозом. Рутинa служила оболочкой защитного пузыря, стоило пробить в ней крохотное отверстие, как вся ткань мира расплзлась. В детстве Лиза иногда ловила себя на странном ощущении: она будто не знала, кто она, привычные вещи казались новыми, собственное имя – странным. Это были жуткие, неприятные моменты, сродни падению с высоты. Она всерьез верила, что, если пойти по незнакомой улице, заблудиться в чужом городе, просто выйти на неправильной станции метро – можно превратиться в другого человека и забыть, кем был раньше. И стоять перед дверью, хмурясь, роясь в чужих воспоминаниях, осознавая, что дверь знакома – но чужая. Чужая – но в нее придется войти и жить.

– Лизавета, – сказала Алена, которая отлично знала, что Лиза терпеть не может, когда ее так называют. – Пашка же-

нится.

Пашке было двадцать, он снимал наушники только в ванне, потому что его мозг составлял одно целое с ай-фоном. Лиза была уверена, что такие, как Пашка, не женятся никогда.

– Ага, – сказала Алена. – Я сначала пришла в ужас. Но, ты понимаешь, если сейчас его не окольцевать, потом он вообще не захочет. Надо вогнать его в какие-то рамки, пока возможно.

– Наверное, – согласилась Лиза. – А на ком?

– Что?

– На ком он женится?

– На восемнадцатилетней девочке из провинции, – сообщила Алена с удовлетворением. – Собственно, я приняла решение их расписать, когда ее увидела. Хороший материал, поддается влиянию, а Пашка слушает ее, как теленок. Даже если ничего не выйдет. Лучше разведенный, чем холостяк с детства, ты не находишь?

– Не знаю, – сказала Лиза.

Алена считалась ее сестрой, хотя у них были разные родители. Когда Лиза в бантиках ходила во второй класс, Алена поступила в университет и скоро забеременела. Мама называла девочек сестрами, хотя недосыгаемо взрослая, да еще и обремененная младенцем Алена казалась Лизе чужой. Как и новый папа. Как и новый распорядок дня, новый дом, новая школа; может быть, в те дни и зародилась Лизина боязнь пе-

ремен?

И вот Пашке двадцать, и нет уже ни мамы, ни папы. Племянник младше всего на десять лет, но между ним и Лизой пролегла граница поколений – Паша сделан не из «линеек и батареек», как положено мальчишке, а из чатов, понтов и информационных пакетов неясного происхождения.

– Не знаю, – повторила Лиза. – А где они будут жить?

– А тут мы подбираемся к интересному вопросу, – Алена кивнула. – Идем?

На кухне она вытащила из шкафа бутылку с яичным ликером, разлила тягучей струйкой в две крохотные рюмки и жестом пригласила Лизу сесть напротив за чисто вымытый стол.

– В квартире зарегистрированы я, ты и Пашка, – без предисловий начала Алена. – Записано на меня. Правильно?

Алена не спрашивала, правильно ли квартира, доставшаяся в наследство от отца, принадлежит ей. Она просила подтвердить верность изложенной информации.

– Пашкина жена будет жить здесь. Ни на какие съемные хаты я их не пущу, да и на какие бабки они будут снимать? Им еще учиться... Комнат у нас три. Я предлагаю выплатить тебе некую сумму... потом договоримся... С тем, чтобы ты выписалась.

– А где я буду жить? – почти без удивления спросила Лиза.

– Либо купишь что-то за городом. Либо будешь снимать: мы же договорились, что свою долю квартиры ты получишь

деньгами. Альтернативный вариант – продавать квартиру, разъезжаться. Но ты прекрасно понимаешь: за нормальные деньги сейчас хату не продать, цены сильно упали.

– Могу я подумать? – спросила Лиза.

– Разумеется, – Алена поднесла к губам рюмку с ликером. – Что мы, сестры, не договоримся, что ли?

* * *

– В скульптуре воспроизводится реальный мир, но основным объектом изображения является человек, через внешний облик которого передается его внутренний мир, характер, психологическое состояние, а также человеческое тело, передача движения (голова, бюст, торс, статуя, скульптурная группа). Выразительность скульптуры достигается с помощью построения основных планов, световых плоскостей, объемов, масс, ритмических соотношений. Большое значение имеют четкость и цельность силуэта...

Среди коллег Лиза считалась середнячком – в основном потому, что неохотно отказывалась от старых экскурсий в пользу новых. Экскурсия была кольцом, похожим на год и сутки. Лиза по опыту знала, когда экскурсанты заскучают, когда оживятся, когда разбредутся, когда и чем можно снова их собрать.

– Скульптор категорически восставал против холодных аллегорий, говоря, что «это убогое обилие, всегда обличаю-

щее рутину, и редко гений». Он отказался от изображений Добродетели и Славы и оставил лишь змею, имеющую не только смысловое, но и композиционное значение...

Сыпался песок в ее внутренних часах. Упала последняя песчинка. Разошлись экскурсанты; Лиза вернулась в контору, расписалась в журнале, взяла сумку и вышла.

В привычном кинотеатре шел все тот же фильм. Лиза купила самый дешевый билет, села в первом ряду и отключилась – происходящее на экране вводило ее в транс. Ранним вечером, когда низкое солнце отражалось в верхних окнах многоэтажек, Лиза вышла из кинотеатра под уличную арку, соединяющую два переуллка.

Постояла, раздумывая. И пошла на остановку маршрутки.

На остановке было светло и пыльно, переминались с ноги на ногу люди, каждый говорил по телефону. Все смотрели в разные стороны. Под скамейкой лежал бездомный пес и тоже, казалось, говорил по встроенному мобильнику – такой отрешенной и нездешней была его морда.

Лиза огляделась. Обменник исчез. На его месте помещался цветочный киоск.

Лиза обошла остановку по периметру. Заглянула в киоск; цены были заоблачные.

– Вы не подскажете, где тут ближайший обмен валют?

– В гастрономе, – сказала цветочница. – На углу.

Подъехала маршрутка, потом еще одна. Катились машины – будничные, как мошки, прочно вшитые в ткань повсе-

дневности. Вчера, возвращаясь из кино, Лиза случайно вывалилась в боковой карман реальности, но теперь все хорошо, все надежно и прочно, все по-прежнему.

Она не боялась оказаться в роли бомжа. Ее пугала перемена квартиры. Любая перемена привычного сводила ее с ума, даже если шторы перевесить или отодвинуть кровать от окна. А перемена дома? Быта? Всех маршрутов?

Она влезла в микроавтобус, устроилась на боковом сиденье и покатила, как шарик в лузу, как вода по желобу, в привычное место. Туда, куда привыкла скатываться каждый день вот уже два десятка лет. В место, до сих пор считавшееся ее домом.

* * *

– Выразительность скульптуры достигается с помощью построения основных планов, световых плоскостей, объемов, масс, ритмических соотношений...

Собирался дождь.

Лиза вышла из кинотеатра под уличную арку. Было совсем темно. Фонарь не горел. В отдалении грохотало.

Она смотрела фильм пятый или шестой раз. Билетерша ее узнавала и поглядывала с удивлением.

– Большое значение имеют четкость и цельность силуэта...

Мир вокруг хранил четкость и цельность, в то время как

Лизе хотелось, чтобы он их потерял – случайно, не нарочно, как малолетняя дура теряет девственность. Вчера и позавчера она шла той же дорогой из того же зала после того же фильма, но вчера и позавчера не было дождя. Имеет ли это значение?

Лиза остановилась у куста сирени, уже отцветающего, нашла цветок с пятью лепестками, отщипнула и съела. Цветок был горький. Фонари на улице горели через один, за пределами светлого круга пространство смазывалось, как будто Лизу посадили в колоссальный аквариум. Она свернула к остановке маршрутки, на ходу вытаскивая из сумки зонтик.

Остановка была пуста, и желтый огонек горел в окошке обменного пункта. Лиза остановилась, чувствуя, как шевелятся на голове волосы.

Из узкого окошечка, прикрытого решеткой, смотрели на Лизу два испуганных глаза:

– Это вы? Как вы снова сюда попали?

– Он предлагал мне проконсультироваться, – сказала Лиза. – Я хочу понять, что со мной не так, что происходит. Хочу поехать к нему. Как это сделать?

Парень в будочке мигнул:

– Надо ждать трамвая. И заплатить за билет всеми деньгами, что у вас есть.

– Значит...

– Значит – всеми. Всем, что у вас есть в карманах, в ящиках стола, на карточке, на счету... Если у вас есть собствен-

ность – ее надо продать, обратить в деньги и тоже выложить за билет. Это знак, что вам очень нужна эта поездка. При том что он запросто может вам отказать, отправить с порога, потому что у него будет плохое настроение, или вы ему на второй взгляд не понравитесь, или еще что-то...

– Я о таком читала, – пробормотала Лиза.

– Да, это ритуальная плата. Но безвозвратная. Не понарошку.

– Вы бы поехали?

– Я бы поехал, – сказал парень с горьким сарказмом в голосе. – Но я не могу встать. Я посажен здесь навсегда, не хотите продать или купить доллары? У меня очень хороший курс...

– Кто ты? – помолчав, спросила Лиза.

– Меня зовут Игорь, я меняла. И больше ни о чем не спрашивай.

– Я искусствовед, – сказала она неуверенно. – Но либо я сумасшедшая, либо со мной что-то похуже происходит. Я себя чувствую, как...

Она замолчала.

– Как кто? – Игорь прижался лицом к солнцеобразной решетке.

– Как фигурка в музыкальной шкатулке. Как будто я иду вдоль желоба, иногда слегка поворачиваясь, и не прихожу в сознание. Не чувствую себя. Вижу только желоб.

– Тебе надо бы к нему съездить, – помолчав, сказал

Игорь. – Но я не берусь дать совет. За советы, знаешь, надо отвечать.

– Я долго не могла сюда попасть, – призналась Лиза. – Я выходила... на другую остановку.

– Понимаю, – Игорь кивнул. – Но помочь не могу.

Сквозь тесное окошко с решеткой его нельзя было как следует рассмотреть.

* * *

– Ремонт будете делать сами, – Алена говорила по-матерински напористо, ее голос шел, как поток сгущенки по бетону. – Окно, конечно, заменят рабочие, но наклеить обои – святое дело для молодой семьи... Привет, Лизавета, ты сегодня рано?

Лиза остановилась в дверях своей комнаты. В центре, на вытертом коврикe, возвышалась Алена, на подоконнике сидел флегматичный Паша, а с краешка, у дивана, жалась тусклая девочка лет семнадцати-восемнадцати, тощая, как кузнечик, и босая.

– А мы тут строим планы, – весело поделилась Алена. – Паша, приготовь чай. Я сейчас.

И Алена поманила Лизу за собой; по темному коридору, где пахло корицей, сестры молча проследовали в комнату Алены, по-зимнему стылую из-за постоянно включенного кондиционера.

– Я ведь ничего еще не решила, – с порога сказала Лиза. – А ты уже планируешь в моей комнате ремонт?

Алена поморщилась:

– Послушай, зачем эти бабские бытовые сцены? Зачем коммуналка, зачем война, мы ведь не первый день друг друга знаем?

– А если я откажусь? – предположила Лиза.

– Как же ты откажешься? – Алена сочувственно покачала головой. – Уже они подали заявление, уже день свадьбы назначен, куда же тебе отказываться?

– Пусть живут в Пашкиной комнате, я не против.

– Как ты себе представляешь – четыре человека на пятидесяти метрах? Да еще молодая семья?

– А куда я денусь?

– Да я ведь тебе денег дам, балда! Тебе же лучше: может, мужика какого-нибудь найдешь наконец, а то ведь тридцатник на носу и полный привет с личной жизнью...

– Сколько? – спросила Лиза.

– А? – Алена, кажется, не поверила своему счастью.

– Сколько ты мне дашь?

– Десять тысяч долларов, – сказала Алена непререкаемым тоном. – Это больше, чем твоя доля. Выдам наличными без проволочек. Когда к паспортистке пойдем?

Дождь колотил по ягодам и ромашкам на ткани зонта. Машины катились сплошным потоком, их белые глаза глядели, как у вареных рыб. Парень в обменном киоске, Игорь, неотрывно смотрел Лизе в спину, но она не оборачивалась.

Она стояла у края тротуара. Казалось, прошел час и другой, но минутная стрелка на ее часах едва сдвинулась. Холодные капли подпрыгивали, отталкиваясь от асфальта, и били по ногам ниже колен.

Потом дождь прекратился.

Лиза постояла, слушая тишину над зонтом. Капли скатывались с его металлических ребер. Лиза опустила зонт, посмотрела на небо, потом в конец улицы – и увидела трамвай.

Красный, узкий, он шел, сотрясая землю, фары светились теплым желтоватым светом. Лиза попятилась. Трамвай подошел к краю тротуара и остановился, тихо звякнув. Разъехались автоматические двери.

Лиза обернулась и посмотрела на обменный ларек. Лицо Игоря, ставшее частью решетки, было похоже на погашенную марку.

Лиза шагнула вперед и вверх, по ступенькам. Проход в салон был загорожен турникетом. Женщина-кассир чуть повернула голову.

Лиза открыла сумку, которую все это время судорожно

сжимала под мышкой, и вытащила пачку денег, перетянутую аптекарской резинкой. Положила в жестяной лоток перед женщиной. Добавила кредитную карточку, на которую ей иногда перечисляли гонорары, и выгребла из карманов всю мелочь.

Женщина коротко зевнула и побарабанила пальцами по поручню. Лиза, не совсем понимая, что происходит, запустила руку в сумку и глубоко, на самом дне, нашла еще две мелкие монеты. Они звякнули о лоток, повертелись и успокоились.

За спиной у Лизы зашипели, закрываясь, двери. Турникет замигал зеленым.

– Пройдите в салон, – в микрофон сказала вагоновожатая. У нее был усталый голос человека, равнодушного к своей работе.

Лиза повернула рычаг турникета и вошла. Трамвай был пуст, светло-шоколадные сиденья напомнили ей зрительный зал; она выбрала место справа, у окна, и села.

Поползла назад будочка обменника, отразилась в большой луже и пропала. Трамвай повернул, скрежеща колесами, навстречу потянулись новостройки, типовые и привычные, но Лиза готова была поклясться, что никогда раньше их не видела.

Трамвай въехал в тоннель. Под сиденьем что-то щелкнуло, и промокшие Лизины ноги явственно ощутили тепло. В салоне включился обогреватель; трамвай вынырнул из тоннеля.

неля посреди унылого осеннего поля. Лесополоса стояла как последний отряд ополчения, елки сильно раскачивались на ветру, вокруг берез смерчами вились сухие листья. Трамвай набрал скорость и въехал в ливень; Лиза почувствовала, что в салоне становится жарко. Несколько минут ничего нельзя было разглядеть, такими густыми оказались дождь и туман, а потом снаружи проглянуло солнце. Лиза принялась тереть запотевшее стекло, и ладони ее замерзли прежде, чем она поняла: стекло затянута не испариной, а изморозью.

Печка под сиденьем работала на полную мощность. Ледяные узоры стали таять. Сдвигая пальцем угловатые пластинки льда, Лиза проделала в изморози смотровое окошко. Трамвай шел по улице, уставленной двухэтажными домами; крыши, ограды, вывески были завалены снегом, как на рождественской картинке.

Трамвай замедлил ход и остановился. С шипением открылись задние двери. По салону пополз холод.

– Мне выходить? – громко спросила Лиза и поразилась, до чего жалобно прозвучал ее голос.

Вагоновожатая прокашлялась в микрофон, но ничего не ответила.

Лиза поднялась и, по-прежнему сжимая в руке мокрый зонтик, подошла к выходу. За распахнутыми дверцами горел снег на солнце, на снегу лежали тени голых кустов, похожие на синие веники, и ни единого следа не отпечатывалось на высоченной гладкой целине.

Лиза посмотрела на свои туфли-лодочки, мокрые, белые, под стать снегу. Ей всегда нравились фильмы-сказки про зиму, где герои могли танцевать на снегу чуть ли не босиком.

Она спрыгнула с подножки и утонула сразу по колени. Последние лоскуты тепла соскользнули, остались в салоне, дверь за спиной захлопнулась, трамвай звякнул, и тронулся с места, и укатил, оставив после себя рельсы – настоящие стальные рельсы, горящие на ярком, но совершенно не греющем солнце.

Лиза почувствовала, что дрожит. Что зуб не попадает на зуб и что она замерзнет прямо здесь, на трамвайной остановке, если немедленно не найдет пристанища.

Вдоль улицы стояли дома с плотно закрытыми ставнями. На дверях висели замки, каждый был размером с голову казенного и украшал собой массивный засов. Здесь не ждали гостей, здесь и хозяева, кажется, были в отлучке; солнечные блики играли на флюгерах и оконных стеклах верхних этажей. Печные и каминные трубы смотрели в синее небо, пустые, бездымные.

Грохот трамвая стих вдалеке. Лиза прислушалась. Еле слышно поскрипывал флюгер где-то в вышине, хотя ветра, кажется, не было вовсе.

– Эй! – сказала она, и голос прозвучал очень хрипло.

Банда волшебников-аферистов, выманивающих у людей последние деньги. Галлюциногены. Хорошо бы этот холод был галлюцинацией; ладно с ними, с деньгами, приду обрат-

но к Алене, буду ночевать в парадном на коврике...

Лиза заплакала просто оттого, что больше нечего было делать, и пошла по снегу, оставляя неровную цепочку следов. Третий справа дом был снабжен вывеской, заваленной снегом. Дверь его почти сливалась со стеной, но замка не было видно. С железной балки свисал на цепях огромный медный чайник.

Лиза пошла на блеск чайника, как на огонь маяка, взяла молоток, висящий у двери, и не почувствовала рукоятки. Бахнула раз, выронила молоток, тот запрыгал на веревке, беспорядочно ударяясь о дверной косяк. Лиза стукнула по двери зонтиком и бросила его, и ромашки с ягодами живописно распластались на снегу.

Она безо всякой надежды нажала на ручку, и дверь легко поддалась. Потеряв равновесие, Лиза не вошла – ввалилась в полутьму, сырую и теплую, с еле слышным запахом очага.

Дверь захлопнулась, оставив холод снаружи. Хлопья снега, прилипшие в ногам и подолу юбки, теперь опали с Лизы, как с весенней елки, и ложились на каменный пол. Внутри, в доме, кто-то был; на темно-красных кирпичных стенах играли отблески огня.

– Здравствуйте, – очень тихо и хрипло сказала Лиза.

И, не дождавшись ответа, вошла.

В большом камине горел огонь, блестела лакированным боком стойка, похожая на барную, вдоль стен высились шкафы из темного дерева. Человек в сером свитере стоял пе-

ред круглым столом, наблюдая, как варится над спиртовкой бурая жижа в джезве с длинной ручкой. Лиза стояла, не шевелясь и почти не дыша, несколько минут, и имела возможность разглядеть все это в подробностях: камин, заключенный в кованую ограду, огонек спиртовки, медную ручку джезвы, замкнутые лица шкафов и грубые нитки свитера, связанного «косичкой».

– Входи, – сказал человек, не оборачиваясь. – Чего ты рвешь?

Лиза вспомнила, что плачет в три ручья. Задержала дыхание, чтобы не всхлипывать, и нащупала в сумке упаковку бумажных салфеток.

– Входи, – повторил Хозяин с оттенком раздражения. – Не ко времени, конечно. Но, раз уж пришла...

Он поддернул рукава свитера, снял джезву со спиртовки и переставил на стойку. Принюхался, раздувая ноздри.

Лиза, не чувствуя под собой ног, вышла в центр комнаты. От камина тянуло жаром, снег окончательно растаял, и от тувель-лодочек повалил пар.

– Как уже было сказано, у тебя приличные проблемы. – Хозяин, остановившись напротив, оглядел ее с ног до головы. – Ты это чувствуешь?

– Я...

– Ты не человек, да?

– А кто я? – спросила Лиза, очень удивленная этим вопросом.

– Не знаю. – Хозяин смотрел пристально, глаза его были цвета очень горького шоколада. – Поглядим...

И он пошел куда-то прочь от камина, жестом приглашая Лизу следовать за собой. Лиза шла, на ходу чихая, кашляя, вытирая бумажным платком лицо; Хозяин открыл дверь в маленькую комнату, сплошь уставленную картотечными шкафами.

На маленьких полках пирамидками, как детские кубики, одна на другой стояли сигаретные пачки... Нет, не сигареты. Упакованные колоды карт.

– Значит, так, – Хозяин подумал. – Вариант, – он снял с полки упаковку, – вот еще, и для разнообразия вот это...

Пирамидка на стеллаже покачнулась, покосилась и снова обрела равновесие. Хозяин бросил три упаковки на деревянный стол, и Лиза увидела, что это действительно карты – если считать картами любой комплект изображений на прямоугольниках с закругленными углами.

– Возможно, – Хозяин ногтями разорвал полиэтиленовую пленку на первой колоде, – ты информационный фантом, скажем, неверная формулировка. Держи колоду, тасуй, сдвигай, раскладывай против часовой.

Онемевшими пальцами Лиза приняла из его рук колоду. Она оказалась трескучей, и легкой, и сыпучей, будто крупный песок. Двумя пальцами левой руки Лиза взялась за края карт и потянула вверх – колода тасовалась легко, приятно, это занятие успокаивало.

– Достаточно. Раскладывай. Рубашками вниз.

Лиза принялась раскладывать карты, просто ронять их на стол одну за другой, и тут только увидела изображения. Кусочки фотографий – будто кто-то нарезал, не глядя и вперемешку, глянецовый журнал, черно-белые фото из старого альбома и фотодневник патологоанатома: половина серьезного женского лица с тенью вуали, отрезанная кисть руки с золотым кольцом на окровавленном пальце, новая сумочка с ценником, ребенок в бассейне, сердце на цинковых весах. Лиза зажмурилась.

– Стоп, – сказал Хозяин. – Это не твое, долой, – он рукавом смахнул карты на пол. – Попробуй вот эту.

Он провел ногтем по шву упаковки, распечатывая новую колоду. Рубашки карт оказались гладко-белыми, неотличимыми от лиц – пустых, без изображений и меток. Лиза взяла их, чуть содрогнувшись, и начала тасовать.

Эта колода поддавалась трудно, будто каждая карта была смазана жиром. Лиза всматривалась, пытаясь понять, чем они отличаются друг от друга – может, весом? Колода не слушалась, топорщилась неровным веером, смысла в тасовании не было; Лиза поскорее начала ее раскладывать: белые прямоугольники на деревянный стол.

– Не твое, – констатировал Хозяин задумчиво. – Многовато ты у меня отнимаешь времени...

Он в раздражении отбросил, не распечатывая, третью отобранную колоду и пошел вдоль стеллажей, присматриваясь.

Остановился, что-то снял с полки, небрежно запустил Лизе через всю комнату, и она поймала.

Надорванная упаковка топорила пластиком. Лиза осторожно высвободила карты. Пол у ее ног был усеян забракованными, она не хотела наступать на них – не то опасаясь испортить, не то боясь обжечься.

Она принялась тасовать эти новые карты и почувствовала, как они нагреваются под пальцами. Торопливо стала выкладывать их против часовой стрелки – и карты вдруг загорелись. На лицевой стороне у них были дорожные схемы, как на «Яндекс-картах», странички из паспортов незнакомых людей, планы каких-то комнат, набросанные от руки красными и синими чернилами, распечатки счетов и чеки из супермаркетов. Все это двигалось в огне: на счетах менялись цифры, по нарисованным схемам комнат металась человеческие фигурки, лица на ксерокопиях паспортных фотографий улыбались и старели.

Лиза заплакала снова.

– Все не так страшно, – Хозяин, не боясь огня, сбросил карты на пол. – Ты не человек, Елизавета, ты второстепенный герой сериала.

– Это шутка? – Она нащупала в кармане бумажный комочек, остаток салфетки.

– Нет. Ты не воплотившаяся вещь, как я поначалу боялся, ты не проклятие и не тень. Всего лишь герой сериала, самый безобидный из информационных фантомов. Второсте-

пенный герой, заметь, а не статист. Статисты – те вообще не понимают, что с ними происходит, просто живут, и живут комфортно.

– Я – информационный фантом?

– Разумеется. Ты и сама давно почувяла. Ведь почувяла?

– Да.

– С этим можно жить.

– Но я ведь родилась, выросла... Среди людей... У меня кровь в жилах, трудовая книжка в конторе, карточка в поликлинике, паспорт...

– Биографии сериальных героев написаны до последней детали. И у них тоже кровь в жилах. Известно, что было с ними в прошлом, но в будущем – только планы. Только предположения.

– Я что, живу в сериале? Я придуманная?!

– Ты живешь в сложной информационной среде. Вокруг тебя разные существа – люди, идеи, вещи, идеи людей и идеи вещей. Все они считают друг друга людьми. И себя, разумеется, тоже – кроме тех, кто знает правду.

– Мне это совсем не нравится, – прошептала Лиза.

– Где-то рядом обретается твой главный персонаж, или персонажи. Поищи – и найдешь.

– Я хочу быть человеком! Что мне делать? Как мне это изменить?!

– Сам не рад, что с тобой связался, – помолчав, признался Хозяин. – Ты заплатила за билет, но это не значит, что ты

купила мое время.

– Помогите мне! – взмолилась Лиза. – Пожалуйста!

– Ты можешь внятно объяснить, зачем тебе быть человеком?

– Мне плохо жить, – призналась она, помолчав. – Я чувствую себя скованной и глупой.

– А хочешь быть умной и свободной?

– Хочу быть человеком.

– Для тебя есть отличный выход – стать главным персонажем сериала. В этом я могу тебе помочь – рецепт есть, и он известен. Класс фантома тот же, а статус выше. У главного героя сериала напряженная, интересная жизнь...

– Я хочу быть человеком!

Хозяин склонил голову к плечу:

– Елизавета, ты можешь угодить в переплет. Смена информационной природы – затея и дурацкая, и опасная одновременно. Технически стать человеком может хоть пачка от сигарет. Другое дело, чем за это придется платить.

Голос его прозвучал так глубоко и мрачно, что Лиза испугалась.

– Я могу уехать далеко-далеко, – сказала она торопливо. – Я могу сменить имя. Если Елизавета Кравцова – персонаж, то я назовусь, к примеру, Машей Пахомовой...

– И станешь второстепенным персонажем, решившим убежать от себя. Маша Пахомова – тот же герой сериала, только с легендой, а уж отыщут тебя под новым именем или

ты станешь частью другой сюжетной ветки – это ведь все равно?

Лиза переступила на каменном полу мокрыми туфлями-лодочками:

– Значит... я не могу?

– Я отдаю тебе твою колоду, – Хозяин протянул руку, и Лиза, почти против воли, получила в ладонь увесистую стопку карт. – Вспомни какое-нибудь девчоночье гадание – «Что было, что будет, чем сердце успокоится». Или пасьянс разложи на досуге.

– И я стану человеком?

– Если выживешь. Поначалу можешь испугаться, отказаться, отыграть назад. Но с какого-то момента изменения станут необратимыми, и тогда ты получишь свой приз или умрешь...

– Это правда?

Он вдруг ухмыльнулся и посмотрел с откровенной насмешкой:

– Елизавета, а где ты сейчас находишься? Не кажется ли тебе, что ты бредишь, галлюцинируешь или просто видишь очень реалистичный сон?

Она посмотрела на карты в своих руках. Только что они пестрели, рассыпанные, на полу – и вот снова плотно прижались друг к другу, образуя единое целое: колоду с опаленными уголками.

– Нет, – призналась наконец. – Мне так не кажется.

– А жаль, потому что это красивый повод завершить себе...

Мелькнул свет, и наступила темнота; Лиза открыла глаза почти сразу, но ресницы слиплись и веки воспалились, как от сильного ветра.

– Что ты здесь делаешь? Отвечай! Что за демонстрация? Лиза!

Алена трясла ее за плечо и еще что-то выкрикивала сдавленным шепотом, боясь привлечь внимание соседей. Лиза узнала двор, в который они с мамой переехали двадцать лет назад, детскую площадку, палисадник; она сидела на скамейке, рядом валялись зонт, пестрый от ромашек и ягод, и сумка, выпотрошенная, как цыпленок.

– Что ты тут делаешь? Это... это что? Где деньги? Ты же взяла у меня целую пачку денег! Десять тысяч!

Лиза покачала головой. С неба лил дождь, волосы промокли и спутались, лицо горело.

– Где ты была? Тебя опоили? Тебя обокрали?! Ах я, идиотка, ведь как чувствовала же... Ведь так и знала...

– В скульптуре, – прошептала Лиза, – воспроизводится реальный мир, но основным объектом изображения является человек, через внешний облик которого передается его внутренний мир, характер, психологическое состояние...

– Господи, да что с тобой?! Надо «Скорую» вызывать... Пошли! Вставай! Вон, уже люди смотрят...

Она мой главный персонаж, с удивлением подумала Лиза.

А я при ней – второстепенный.

И, шатаясь, послушно вошла за сводной сестрой в знакомое парадное, встретившее сырым, пыльным, до одури знакомым запахом.

* * *

– Ма, я не знаю, где она. Мобильный отключен... Она сказала, что позвонит вчера после пары, но не позвонила...

Пашкин голос бубнил и зудел, будто парень отвечал скучный урок у доски. Лиза лежала на своем диване, по-прежнему на своем диване, и не решалась открыть глаза.

– Нет, ма, мы точно не ругались. Она могла уехать к себе, может, телеграмму получила. Может, в телефоне аккумулятор сел. Свинья она, если честно, так поступать...

Мать и сын разговаривали на кухне. За последние несколько дней Алена похудела – она, когда нервничала, вообще не прикасалась к еде. А нервничать доводилось часто; теперь Лиза понимала, откуда взялись многочисленные перипетии Алениной жизни. Алена была героиней сериала, его центральным персонажем, и упивалась своей ролью даже тогда, когда по сюжету приходилось плакать.

Сводная сестра сперва отказалась от прав на жилье, потом стала жертвой грабежа и очутилась на улице без единой копейки. Теперь Алене следовало либо выгнать ее, сделав бомжом, либо приютить, потеряв и жилплощадь, и деньги. Либо

извернуться как-нибудь еще; Лиза не сомневалась, что Алена извернется. Персонаж, подобный Алене, не может быть однозначно черным либо белым. Алена попытается сплавить сестру, не нанеся критического урона собственной совести; а тут, в довершение всем проблемам, куда-то пропала Пашкина невеста Света, тусклая девочка, тощая, как кузнечик.

– Телеграмму ее матери? А если она не там – прикинь, как мать перепугается?

Не в характере Паши было заботиться о нервах будущей тещи. Лиза пошевелилась, села, дотянулась до своей джинсовой юбки, брошенной на спинке стула. В кармане, оттопыривая его, лежала колода карт с обгоревшими кромками.

– Да не волнуйся ты! Вернется – я ей объясню, что так делать нельзя...

– Я сама ей объясню, – резко сказала Алена. – Голова у нее в последнее время не болела, на тошноту не жаловалась?

– Да нет, она здоровая как лошадь, даром что худая...

Лиза, сглотнув, положила колоду перед собой на одеяло.

Руки тряслись. И прыгало, сотрясая футболку, сердце.

* * *

– Здравствуйте. Я ищу Горохова Дениса.

– А по какому поводу? – не очень любезно сказал охранник в форме какой-то частной фирмы.

– Ну... он мне нужен.

– Девушка, я не могу звонить Денису Дмитриевичу потому, что он вам нужен! Назовите свой вопрос, где вы работаете, как вас зовут...

– Зовут меня Кравцова Елизавета, я... скажите ему, что я от Хозяина.

Охранник чуть заметно дрогнул лицом. Удалился в свою будочку и снял там трубку телефона. Лиза перевела дыхание.

Гадать на обгорелых картах оказалось просто и жутко. Трижды подряд одна за другой выпали три карты: две странички из паспорта Горохова Дениса Дмитриевича, с фотографией и штампом регистрации, а также нечеткая фотокопия его визитной карточки, витиеватой, с английским текстом. С каждым разом карты становились тяжелее, слипались, подчинялись неохотнее; раскладывать в десятый раз Лиза не стала и долго мыла руки, пытаясь соскоблить с ладоней следы копоти.

Невеста Света до сих пор не нашлась, хотя ее искали уже неделю. Ее мать в провинции понятия не имела, куда девчонка могла подеваться. Сегодня Паша с Аленой понесли заявление в милицию о пропаже человека.

– Входите, – охранник повернул турникет. – Хауз номер шесть!

Лиза вошла в длинный ухоженный двор: трехэтажные дома стояли, соприкасаясь гаражами, увешанные тарелками антенн и коробками кондиционеров, будто бродячие торговцы-коробейники. На лакированной двери медно блестя-

ла шестерка; Лиза остановилась, мгновенно вспомнив, как шла по колено в снегу, мимо фасадов заколоченных домов к строению с запорошенной снегом вывеской и чайником у входа. Было это или приснилось? Она в сотый раз задала себе ритуальный вопрос, но тут дверь номер шесть отворилась сама. На порог явился мужчина лет тридцати в золотистом махровом халате, со светлыми влажными волосами, зачесанными назад, и с надписью «барин» на высоком лбу – если надпись Лизе и пригрезилась, то вполне обоснованно.

– Здравствуйте, – сказала она, очень жалея, что пришла сюда. – Я ищу Горохова Дениса Дмитриевича...

– Входите, – любезно разрешил барин.

Лиза прошла через просторную переднюю, увешанную зеркалами и украшенную безделушками, начала было снимать туфли, но барин пренебрежительно дернул головой, и Лиза ступила, цокая каблуками, на блестящий паркет большой гостиной.

– Извините, я не ждал гостей, – сказал барин. – Вы сказали, вы от Хозяина?

Это недоразумение, тоскливо подумала Лиза. Сейчас окажется, что под Хозяином имеется в виду какой-нибудь криминальный авторитет...

Она придвинулась к журнальному столику и выгрузила из кармана три карты, завернутые в блокнотный лист. Барин склонился над ними, но в руки брать не стал.

– А вы, простите, кто?

– Я Елизавета Кравцова, я...

– Нет, я вижу, что вы фантик, то бишь информационный фантом. Я имею в виду – вы тень, или вещь, или, не про нас будь сказано, проклятие?

– Я персонаж сериала, – после паузы призналась Лиза. – Второстепенный.

Последнее слово она произнесла с плохо скрываемым стыдом. Барин не удивился:

– И чего вы хотите?

– В целом?

– Ну, не в частности же, – барин улыбнулся.

– Хочу перестать им быть. Хочу нормального человеческого статуса.

– Ага, – барин задумался. – Я оденусь, если вы не против, а вы пока вот закусите яблочком...

Он поставил на стол перед Лизой вазу с фруктами и ушел. Она осталась одна в огромной комнате, оформленной по всем правилам дизайнерского искусства, снабженной гардинами, вазонами, декоративными водопадами и огромным аквариумом чуть не во всю стену, где, против ожидания, не было рыб, а сидели в живописных позах два больших геккона.

Барин вернулся через несколько минут. На нем были потертые джинсы и клетчатая рубашка, и в целом он выглядел уже не так монументально и барственно, как в халате.

– Я вообще не знала, что вы меня поймете, – Лизу от напряжения вдруг прорвало потоком болтовни. – Я не была

уверена, что вы станете со мной говорить, я долго не решалась к вам идти...

– Помолчите, – сказал он, снова склоняясь над картами. – Хозяин обещал, что я буду вам помогать?

– Нет, – призналась Лиза, чуть запнувшись. – Но он дал мне карты, а они...

– Ясно, – барин кивнул. – Меня зовут Денис, я перемещенное лицо. Знаете, что это значит?

– Ну...

– Слушайте внимательно, – он сел напротив, уперся локтями в колени и соединил кончики пальцев. – Я родился котом. В возрасте шести месяцев меня сбила машина. За рулем был Горохов Денис, порядочная сволочь, на ту пору ему было чуть больше двадцати. Я помню запах асфальта, бензиновую вонь и как меня стукнуло. Потом сразу вижу себя в машине, за рулем, а координация движений и представления о жизни, сами понимаете, у кота иные... Да и машину я не умел водить, а скорость – сто двадцать... Я врезаюсь в забор, срабатывают все подушки безопасности, а машина классная, у меня с тех пор только «БМВ»... Удар, подушки, я без единой царапины, только синяк на ноге... Машина – в хлам. Ну я и лезу в кусты, отлеживаться от этого ужаса, но вижу, что не помещаюсь, я очень большой... Меня находят люди, привозят в клинику, у Дениса Горохова обнаруживаются папаша и мамаша, такую сволочь воспитали... Ну и вот. Человеческий мозг – удивительная штука. Адаптируется потрясающе.

Я теперь даже говорю без акцента.

Лиза неуверенно улыбнулась.

– Да, конечно, это шутка, – сказал Горохов, наблюдая за ней. – Это я рассказал, чтобы вас позабавить. Теперь о вашей проблеме, Елизавета. Вы собираетесь перестать быть частью сериала. Это теоретически возможно, но трудно, потому что сериалу это не понравится. Сериалы – изобретательные твари, жестокие и с чувством юмора. Раненый или напуганный сериал начинает менять жанры: лирическая комедия за несколько дней мутирует в мистический триллер с маньяками и демонами ада, и дальше – в кровавый трэш-мясорубку... А поскольку вы персонаж, выключить экран вы не сможете.

Лиза услышала, как цокают ее зубы.

– Это все вы должны знать, прежде чем пуститесь в плаванье, – сказал Горохов. – Собственно, вы уже пустились, потому что пришли ко мне. Теперь жанр вашей жизни изменится, будьте готовы.

– Вы специально меня запугиваете? – спросила Лиза.

– Нет, – помолчав, сказал Горохов. – Вы мне симпатичны, Лиза. Открою вам тайну: все фантики инстинктивно хотят стать людьми. Получается у единиц. Кое-кто гибнет.

– Вы хотите, чтобы я отказалась?

– Я хочу, чтобы вы знали, что вас ждет. Вы кто по профессии?

– Искусствовед...

– А я торгую сталью. Вернее, скорее владею, чем торгую. Это наследство Горохова, будь он неладен.

– Он... умер? – тихо спросила Лиза.

– Видите ли. На ста двадцати у него... у меня не было шансов. Но поскольку случилось некое событие, выходящее за рамки повседневности...

Он поднялся, вышел и снова вернулся. В руках у него был рыжий кот, ухоженный и пушистый, но без левой передней лапы. Кот висел, не пытаясь высвободиться, и только время от времени помахивал хвостом.

Горохов поместил кота на диванную подушку. Тот сразу же лег и закрыл глаза.

– Устройство мозга, – сказал Горохов. – Денис адаптировался, сволочь такая, теперь не помнит, что был человеком, гонял на «бумере» и сбил меня.

Он почесал кота за ухом. Тот еле слышно заурчал.

– И вы, – сказала Лиза, – вот это все... называется «перемещенная личность»?

– Да.

– И таких много?

– Не много. Фантиков больше, вот как вы.

– Чем вы можете мне помочь? – спросила Лиза. – Ведь если карты привели меня к вам – предполагается, что можете?

– До чего вы прагматичны, – Денис прищурился, и Лиза ясно увидела на его лице хитрое кошачье выражение. – По-

мочь-то я вам помогу, но в основном советом. Давайте, рассказывайте, что там было в последних сериях?

* * *

Паша прикатил домой на мотоцикле. Лиза не предполагала, что он умеет чем-нибудь управлять в реальности, а не в компьютерной игре. Хотя за последние недели Паша изменился очень сильно.

Он перестал носить наушники и даже продал кому-то свой ай-фон. Он занялся спортом, подкачал мышцы и вот – купил мотоцикл. Алена наблюдала за сыном со стороны, ничего не комментируя. Лиза старалась пореже попадаться ей на глаза: деньги пропали, права на проживание оставались птичьими, но и свадьба, по-видимому, отменилась уже окончательно.

Фотографии Светы висели на щитах у милицейских отделений и на станциях метро: «Помогите найти человека!» Алена не понимала, как могла провинциальная девчонка так по-свински себя повести: сбежала небось с кавалером побогаче и постарше Пашки. Пашка нес какую-то вялую чушь насчет паломничества по монастырям, в которое Света якобы когда-то собиралась. А Лиза с беспокойством догадывалась, что исчезновение Светы – сюжетный ход, который обязательно будет иметь развитие.

Паша описал по двору круг: сбежалась малышня. Паша эффектно выглядел в шлеме, в черной кожаной куртке, чер-

ных джинсах и сапогах до колен. Лиза, тихо сидевшая в уголке на лавочке, издали наблюдала за ним.

Дни стояли длинные и жаркие. В доме нечем было дышать, и Лиза выходила во двор – просто посидеть в тени. Паша заметил ее и подкатил в облаке выхлопных газов.

– Хорошо выглядишь, Лизхен!

Лиза в последние дни и сама изменилась, причем к лучшему: похудела, коротко подстриглась, накупила косметики и выглядела почти ровесницей сводного племянника.

– Хочешь покататься?

Он был взвинченно-весел. Лиза подумала, что он, наверное, глубоко переживает исчезновение Светы, иначе ничем нельзя объяснить его предложение. Племянник никогда не предлагал Лизе ни леденцов, ни аудиодисков, ни яблок, ни компьютер починить, и уж тем более не стал бы катать на мотоцикле. Но раньше у него и мотоцикла-то не было...

Она поудобнее надела сумку набок, нахлобучила шлем и взобралась на сиденье позади Пашки. Тот газанул, Лиза схватила его за плечи, чтобы не свалиться, и мотоцикл выехал со двора.

«Дави на газ, давай, мой мальчик, дави на га-аз...» – прилетела с порывом ветра старая песня. Было жарко, дышал раскаленный асфальт, мотоцикл уверенно прорезал маленькую пробку на перекрестке и под зеленый свет вырвался на свободу, на чистую дорогу, на оперативный простор. Изменился звук мотора – он гудел уже не басовито, а контраль-

тово, и Лиза, почти уткнувшись носом в Пашкину спину, невольно заслушалась этим пением.

«Он-н и-лл я-ааа...»

Мотор повторял и повторял одну фразу, все более четкую по мере того, как Лиза прислушивалась.

«Он уиллл ме-яа...»

«Онн убиллл меня...»

– Пашка! – закричала Лиза. – Притормози!

Но он не слышал ее, или не хотел слышать, или решил, что она просто испугалась скорости. Мотоцикл летел к солнцу, дорога была свободна – суббота? Вечер? Может быть, поэтому?

«Он убил меня! – низко пел мотор. – Он убил меня, он убил меня, он убил меня...» Лиза хотела зажать уши, но тогда бы она свалилась с седла на полном ходу.

К счастью, впереди замаячил красный, появилась откуда-то сбоку машина дорожного патруля, и Пашка сбавил ход. Мотор заворчал невнятно, и пение превратилось в обычный механический звук.

Пашка тяжело дышал. Остановившись, коснувшись подошвами асфальта, он оглянулся на Лизу через плечо – но она не видела его лица за дымчатым забралом шлема.

* * *

– ...И убил он девушку и закопал под корнями вербы,

но весной мимо проходил пастушок, сделал дудочку из ветки дерева, и дудочка запела нежным голосом: «Барский сын убил меня и закопал под корнями вербы...»

Горохов сидел, положив длинные ноги на пуфик, и скалил белые зубы. Чем дольше Лиза с ним общалась, тем заметнее ей становилось, что манеры его не столько барственные, сколько кошачьи.

– Кто убил? – спросила Лиза.

– Хозяин мотоцикла.

– Пашка? Это бред!

– Это смена жанра. Я предупреждал. Медленно и плавно вас относит в мистический триллер... Возможно, кого-то убил предыдущий хозяин мотоцикла, а мотор знает о преступлении и твердит эту песенку всем подряд. Как вышеупомянутая дудочка.

– Либо мне слышалось, – предположила Лиза.

– Как только вы говорите себе – «мне слышалось», вы отступаете назад, загоняя себя в привычный бытовой мирок. Эдак вместо того, чтобы вырасти в человека, вы деградируете в статиста.

Трехногий кот мирно дремал на диванной подушке.

– Что мне конкретно надо делать? – спросила Лиза. – Я так понимаю, мне нужно совершать какие-то действия, вместо этого я жду уже больше месяца, раскладываю карты и жду, жду...

– Это не квест, девушка! Это гораздо более сложный про-

цесс!

Горохов уселся поудобнее. Читать Лизе лекции явно доставляло ему удовольствие.

– Если бы вы были девочкой, заблудились в лесу и искали дорогу домой при помощи подсказок в тайниках, зверей-помощников, примет и прочей машинерии – это был бы квест. Но вы-то должны не выйти из леса, а изменить его, видоизменить, превратить этот лес в ваш дом! Для этого, конечно, нужны «какие-то действия», но гораздо важнее смотреть раскрытыми глазами, видеть изменения среды и правильно их истолковывать...

– Вы были очень умным котенком, – сказала Лиза.

– Разумеется, – сухо отозвался Горохов. – В ваших словах мне чудится ирония, спишем это на то, что мы практически незнакомы... Что говорят карты?

Лиза вытащила из пластиковой папки – файлика – единственную карту, выпадавшую три раза подряд. На лицевой стороне была инженерная схема неведомого помещения: шесть метров двадцать пять сантиметров в длину, четыре метра в ширину, сверху «надземная часть», снизу, соответственно, «подземная».

– Хм, – сказал Горохов, разглядывая карту в Лизиних руках. – Что это?

– Я думала, вы знаете!

– Откуда? Это ваша колода и ваша специфика.

– Это схема, – устало сказала Лиза. – Скорее всего, склепа.

Потому что я не представляю, для какого еще помещения требуется подземная часть.

– Для сарая с погребом, например. Или... погодите.

Он вытащил маленький ноутбук, вошел в Сеть и через минуту показал Лизе длинный ряд картинок с общим названием: «Схема гаража».

– Это гараж. Вероятно, опорная точка сюжета. Давайте подумаем... Откуда у вашего племянника мотоцикл?

– Купил... Пригнал откуда-то.

– Откуда?

– Понятия не имею.

– А где он его хранит?

– Нигде, он его только вчера пригнал.

– Узнайте, у кого племянник купил свой мотоцикл. Узнайте, где хранит. Но будьте осторожны. Жанр может поменяться так резко, что вы и «ой» не успеете сказать.

* * *

– ...Выразительность скульптуры достигается с помощью построения основных планов, световых плоскостей, объемов, масс, ритмических соотношений...

На остановке торговали цветами. Подкатывали к тротуару белые и желтые микроавтобусы, люди выходили и входили, скорчившись в три погибели, иногда задевая головой о дверной проем. Давно отцвела сирень, отлетал тополиный пух,

воздух был тяжелый и густой от пыли, света и бензиновых выхлопов.

Лиза ругала себя за то, что не спросила Хозяина об Игоре, кассире из обменного пункта. А должна была не только спросить, но как бы невзначай сказать об Игоре что-то хорошее; инстинктивно она чувствовала, что тот наказан за что-то, заключен в будочке, как кукушка в часах, и любой свободный человек, удостоенный разговора с Хозяином, должен замолвить за Игоря словечко.

Но она забыла, и это тенью легло на ее совесть.

Подошла маршрутка, Лиза вошла в нее, удачно пристроилась на грязном кресле у окна и вдруг услышала, как пожилой мотор ворчит под капотом: «От клевера брюхо вздуется... От клевера брюхо вздуется...»

Лиза попросила водителя остановиться и вышла, не проехав и половины своего маршрута.

* * *

Ноги устали еще днем, а теперь, когда она прошагала на каблуках почти два километра, – вообще отваливались. Ни Алены, ни Пашки не было дома – на звонки никто не отвечал. Лиза так и не вернула своего ключа – Алена будто бы об этом забыла, а Лиза не решалась напоминать; пошатываясь, она вышла из подъезда и села на скамейку в зарослях жасмина.

Прошло полчаса. Из дома вышел Пашка, ведя под руку девушку пышных форм, яркую блондинку в фиолетовом летнем платье. Блондинка села за руль темно-синей «Шкоды», Пашка уселся рядом, и они укатили, громко врубив музыку.

Вот это номер, подумала Лиза. Поднялась со скамейки и снова села: квартира по-прежнему была заперта, а ключам неоткуда было появиться.

Она нащупала колоду карт в кармане юбки – и вдруг увидела Пашкин мотоцикл на другой стороне двора, за мусорными баками, между нерабочим «Запорожцем» соседа-инвалида и чьим-то старым джипом. Не сводя с мотоцикла взгляда, она вытащила телефон и перезвонила сестре.

– Ты уже дома? – спросила Алена. – У нас совещание, буду не раньше десяти.

– Хорошо, – сказала Лиза и дала отбой. Поднялась со скамейки и мелкими шажками пересекла двор.

Мотоцикл был прикован цепью к железной ограде. Лиза не смогла бы завести его, даже будь у нее ключ, – она никогда не водила ничего сложнее велосипеда. Огромный черный байк притягивал ее безотчетно, будто картина абстракциониста.

Она коснулась ладонью черной кожи сиденья.

«Кто ты? Кто тебя убил?»

Мотоцикл дрогнул и завибрировал. Секунда – завелся мотор. Лиза отступила.

Мотоцикл стоял, прикованный к ограде. Из выхлопной

трубы вырывался сизый дым.

– Лиза!

Она обернулась, еле удержав крик. За спиной стоял Пашка, странно бледный, всклокоченный. Смотрел недоверчиво и даже со страхом.

– Это ты его завела?!

– Нет. Что ты. Нет, конечно... Как бы я смогла... Послушай, я с работы и очень устала, – пробормотала она скороговоркой. – Я есть хочу... Ты не мог бы мне квартиру открыть?

– Ты давно вернулась? – Он будто не слышал.

– Нет...

– Примерно сколько? Минут сорок назад?

– Нет... Только что, – она врала не мигая. В конце концов, сорок минут назад в дверь квартиры мог звонить сосед, почтальон или свидетель Иеговы.

Пашка провел ладонями по нагрудным карманам рубашки:

– Вот, блин... Оставил ключи в гараже...

– В каком гараже?

– Где мотоцикл сегодня чинил... Оставил борсетку, а в ней ключи от квартиры... Мать убьет... Лизхен, слушай, давай прокатимся до гаража, я возьму ключи, а ты в гастрономе кефира купишь?

– Кефира?

– Мать велела кефира, а я забыл, – Пашка смотрел неотрывно. – Поехали? Только шлем надень...

– Я лучше здесь подожду.

– Нет, поехали, – сказал Пашка со знакомыми интонациями маленького балованного мальчика. – Поехали! Мать все равно не вернется раньше десяти!

И Лиза с замиранием сердца взобралась на седло, уже зная, что жанр изменился.

* * *

Гараж она узнала сразу же. Подземной части, разумеется, не было видно – стоял за забором кирпичный домишко без окон, шесть двадцать пять в длину, четыре метра в ширину. На железных гофрированных воротах висел замок, и еще один, поменьше, – на маленькой двери.

– Гастроном там, – Пашка махнул рукой. – Кефир и еще эти, булочки с маком.

Он вытащил ключ из тайника под железной бочкой, отпер дверь, прорезанную в воротах гаража, и шагнул внутрь. Лиза проводила его взглядом.

Гаражи тянулись направо и налево, у ворот их росла трава, в крышах зияли прорехи. Дорога была разбита, на противоположной стороне ждала осени брошенная стройка, очень похожая на развалины. Дорогу пересекала железнодорожная насыпь, и по ней проехал, рокоча, маневровый тепловоз.

Гастроном оказался продуктовым ларьком с беднейшим выбором и заоблачными ценами. Лиза купила кефира и

черствую булку и тут же, не удержавшись, вонзила в нее зуб. Пришлось купить еще одну; Пашка уже ждал ее у входа, повеселевший, с борсеткой на поясе:

– Ну, поехали?

Мотор ревел, не желая переходить на человеческую речь. А может быть, он и не умел говорить по-человечески. Может, Лизе все это померещилось со страху.

– Я тут с девушкой одной познакомился, – сказал Пашка, когда Лиза слезла с мотоцикла во дворе. – Римма ее зовут. Вот все думаю: как мать к этому отнесется?

Лиза неуверенно улыбнулась:

– А что?

– И у нее дом в наследство от бабки остался, – задумчиво сказал Пашка. – Хороший дом. Она мне показывала.

* * *

Карты не желали раскладываться. Колода слиплась комом. Лиза спрятала ее в верхний ящик тумбочки и легла на диван.

– Кто главный герой сериала – ваша сестра или все-таки племянник? – спросила телефонная трубка.

– Не знаю. Раньше он был сонный, вялый, ведомый. А теперь будто переключился на другую скорость, – Лиза говорила шепотом, чтобы не разбудить ненароком Алену и Пашку.

– Значит, он рассказал матери насчет этой блондинки на «Шкоде»?

– Да.

– Значит, это не тайна? А зачем он возил вас в гараж?

– За ключами. Он забыл в гараже ключи.

– Лиза, вы определенно превращаетесь в статиста, – грустно сказал Горохов.

– Почему?

– Потому что сериал сильнее. Не вы преобразовываете информационную среду – среда преобразовывает вас. Через пару недель вы вообще забудете, что были у Хозяина и что-то пытались изменить. Может, это и к лучшему.

И Горохов отключил свой телефон. Лизе иногда хотелось изо всех сил заехать пятерней по его нахальной, барской, кошачьей физиономии.

Она вытянулась на диване. Ныл висок, но не хотелось шлепать на кухню за таблеткой. Некстати вспомнился Игорь; со времени визита к Хозяину Лизе больше ни разу не удалось попасть на остановку с будочкой обменника. Что это – случайность?

И даже карты больше не желают раскладываться. Горохов прав: она ничего не может изменить, маячит, как картонное дерево на театральной сцене. Деградирует в статиста.

Она зажмурилась. Потом решительно села на диванчике. Где-то там, в глубине ее тумбочки, со школьных времен хранился туристский фонарик.

Дверь даже не скрипнула – хорошо была смазана. Луч фонарика скользнул по верстаку с инструментами, по доске с развешанными гаечными ключами, по мятому крылу от «Волги», оставленному у стены. Все предметы в электрическом свете казались плоскими, все тени – черными и гуттаперчевыми. Лиза перевела дыхание.

Ключ от гаража она нашла там, где его оставил Пашка, – в тайнике под железной бочкой. Гараж был местом, куда вели ее карты; как сказал Горохов, опорная точка сюжета.

Луч фонаря пересек темноту крест-накрест. Велосипед без одного колеса, несколько железных и пластиковых канистр, лопата...

Позвольте, а где ремонтная яма? Ведь в гараже есть и «подземная часть», согласно схеме, а значит, вот здесь, в полу, должна быть щель в полметра шириной, и ступеньки, ведущие вниз...

Пол в гараже был земляной, влажный, с отпечатками рифленых ботинок. Лиза осторожно потопала ногой... Звуча не было – будто в вату стучишь.

Ее взгляд снова остановился на лопате. До половины черная, до половины серебристо-стальная, остро отточенная лопата, бережно вычищенная, и даже отмытая, и заново заточенная. Чистая лопата, но не новая. Штыковая лопата, за-

ступ. Штык.

Лиза плотнее закрыла дверь. Лучом фонарика нашла рубильник, щелкнула, включая свет. Освещенный лампочкой под потолком, гараж стал зрительно меньше, в углу заполошено метнуласьмышь. Лизе плевать было на мышей и даже на крыс; она еще раз перевела дыхание. Чего бояться? Она не вор. Да и нечего тут воровать. Кто поверит, что тридцатилетняя дама-искусствовед явилась ночью в гараж, чтобы стащить пассатижи?

Она прошла вдоль гаража – шесть метров двадцать пять сантиметров – и взяла лопату в руки.

Проснулись мухи и закружились вокруг лампы. Толстые, массивные бомбовозы-мухи. Их гудение было под стать реву моторов.

Лиза провела языком по пересохшим губам. Несильно размахнулась и вонзила лопату в пол. И чуть не заорала: лопата сразу же ушла почти до половины, очень мягко, легко, будто в кашу.

– Вы как хотите, а я статистом быть не собираюсь, – прошептала она неизвестно кому и осторожно откинула в сторону горку рыхлой земли.

Лопата звякнула о бетон. Потом стукнула о дерево. Закусив губу, Лиза откинула землю от люка для ремонтных работ, который был заложен досками.

Поддев одну из досок краем лопаты, она открыла окошко в «подземную часть» гаража. Там было темно, сыро, и оттуда

с воем вылетела еще одна муха.

Лиза стиснула зубы. Сжала фонарик в руке, осторожно опустила на четвереньки и посветила фонариком вниз.

Прямо на нее смотрели широко открытые мертвые глаза девушки Светы, и прежде тощей, а теперь совсем ссохшейся.

Лиза завизжала и выронила фонарик. Он упал вниз, в яму, прямо на живот Свете, и в его луче сделалось видно, что грудь у Светы вскрыта от шеи до пупка и недостает как минимум сердца. Лиза, мокрая как мышь, метнулась к двери гаража и чуть не сбила с ног стоящего в проеме Пашку.

– Потише, – сказал он глуховато.

Лиза часто задышала ртом.

– Так и знал, что ты придешь, – сказал племянник с явным удовольствием. – Не удержишься. Ключик тебе показал... Любопытная ты слишком, Лизхен.

– А ты убийца, – сказала она неожиданно для себя; она никогда бы не подумала прежде, что в такой ситуации решится заговорить, да еще и голос прозвучит вполне внятно. – Ты убийца, Пашенька. Мотор тебя выдал!

– Я знаю, – племянник говорил неторопливо и мягко, – я слышал. Мотор, да. Я сделал из Светкиного сердца мотор.

– Ты сумасшедший, – Лизу передернуло.

– Да! Матушка считает меня сопляком... «Я приняла решение их расписать», надо же! Из ее головы я сделаю процессор.

Лиза попятилась от него, помня, что сзади яма, судорож-

но нащупывая ногой землю.

– Прыгай, – Пашка улыбнулся.

– Пошел на хрен!

– Прыгай, – Пашка вытащил из-за спины устройство, похожее на лейку с оптическим прицелом. – Прыгай к Светке, жди, скоро вас там будет мно-ого...

Лиза оступилась и чуть не упала. Пашка поднял устройство на уровень груди, нажал кнопку, из черного сопла с шипением вырвалась струя пламени.

– Прыгай, а то ведь поджарю и все равно сброшу...

– Помогите! – крик вышел очень тихий, глухой. – Помогите!

Пашка шагнул вперед, держа перед собой паяльную лампу. Лиза отступила, спасаясь от жара, одной ногой угодила в дыру и грохнулась на колени у самого края ямы. Разъехались доски, закрывавшие ремонтный люк, посыпалась вниз земля; там, на груди мертвой Светы, ярко горел фонарик.

Пашка радостно засмеялся.

– Пры-ы...

Он хрюкнул и замер, выронив адскую машинку. Глаза его повернулись в глазницах, будто желая заглянуть внутрь головы. Из груди на секунду вынырнуло узкое лезвие и тут же спряталось, как жало.

Неведомая сила рванула Пашку назад, потом швырнула вперед. Племянник упал, головой ударив Лизу по колену; за его спиной стоял Горохов со шпагой в руках.

– Жанр, – сказал он сквозь зубы. – Вставайте.

Лиза разрыдалась.

– Поздно реветь! – Горохов блеснул белыми зубами. – Вы преуспели, вы на полпути к успеху. Не раскисайте!

Лиза еще раз посмотрела вниз, на Свету:

– Это... вот так? Вот так происходит?

– Может быть и хуже. Это пока у нас триллер, а в триллере, как правило, приходит помощь в самый торжественный момент... Но вы не главный герой, вот в чем беда. Как и Света. Света была второстепенным героем...

– Бедная девочка, за что ее убили?!

– Да вставайте же, не торчать же тут всю ночь... Что с ногой?

Лиза ощупала лодыжку.

– Не знаю... Ничего... Болит...

Она с превеликим трудом поднялась на ноги и убедилась, что может идти, во всяком случае пройдет несколько шагов до дороги. При мысли о том, что придется возвращаться домой и говорить с Аленой, начиналась тошнота.

– Одно меня очень беспокоит, – признался Горохов, протирая чистой тряпкой острие своей шпаги.

– Только одно?!

– Да... Моторы, сделанные из сердец, и процессоры из голов.

– Он был маньяк сумасшедший! – Лиза с ужасом покосилась на Пашкин труп. – Мало ли что он мог сказать в бреду...

– Да. В лучшем случае. В худшем – у нас мистический триллер с большой буквы М... Или...

Взгляд его остановился. Он смотрел куда-то Лизе за плечо. Задержав дыхание, она обернулась.

За край ямы, зияющей теперь посреди гаража, ухватилась девичья рука. Потом вторая. Показалось лицо с прилипшими ко лбу и щекам волосами. В зубах девушка держала Лизин фонарик.

– Зомби-муви, – с нервным смешком сказал Горохов. – Все, поле пошло в разнос. Ненавижу.

Мертвая девушка Света выплюнула фонарик.

– Где мое сердце? – спросила очень тонко и жалобно. – Где мое бедное сердечко?

Лиза кинулась к Горохову, начисто позабыв, что тот барин и кот. Горохов схватил ее в охапку и вылетел из гаража, чуть не снеся дверь, которая, к счастью, открывалась наружу.

У дороги стоял Пашкин мотоцикл, с ключа свисал, красиво поблескивая, брелок в виде голой женщины. Горохов стряхнул Лизу в седло, спрятал свою шпагу в трость модели «Доктор Хаус» и вскочил сам, сунув трость под мышку. Взревел мотор, и в звуках его почти сразу прорезался низкий женский голос: «А-ай... сердце... мое...»

В дверях гаража показалась девушка Света. Лиза зажмурилась, вцепилась в Горохова, спрятав лицо у него на спине. Мотоцикл понесся, подпрыгивая, выхватывая фарами горы битого кирпича, увязшие в бетоне конструкции, закрытый

магазин «Продукты», покосившийся дорожный знак, и Лиза продолжала их видеть, хотя глаза у нее были зажмурены. Наконец мотоцикл вырвался на трассу и понесся ровно, с низким гудением, и голос в звуке мотора, ставший совсем тоненьким, жалобно умолял: «Отдай мое сердечко! Отдай мое сердечко!»

Горохов сбросил скорость, свернул куда-то в лес и заглушил мотор. В свете мотоциклетных фар обозначилась машина – большая, тусклая и черная, как загорелый бегемот.

– Пересаживаемся, – сказал Горохов. – Пусть забирает свое сердце.

Лиза, шатаясь, но все-таки двигаясь без посторонней помощи, добралась до машины и упала на просторное сиденье «БМВ».

– Пока все идет по плану, – сообщил Горохов, выруливая на дорогу.

– Где она сейчас?

– Кто? «Отдай мое сердце»?

Лиза дернулась:

– Не надо!

– А что такого? Вы привыкайте, привыкайте и молитесь, чтобы тем все и закончилось. Жанр у вас неприятный, но зато простой и предсказуемый...

Машина гнала по шоссе, как гепард по ночной пустыне. За окном мелькала и смазывалась привычная, почти умиротворенная картина пригорода, но Лиза не позволяла себя об-

мануть: это был уже другой мир, не подробно-бытовой, но *жанровый*. Бледнело небо, приближался рассвет.

– Как вы себя чувствуете, Елизавета? – вкрадчиво спросил Горохов.

Она посмотрела на свои ободранные, грязные, трясущиеся ладони.

– Прекрасно, – призналась прежде всего сама себе. – Мне как-то... как-то очень ярко перед глазами, очень четко, и хочется дышать глубоко... хочется жить...

– Да. Это вкус жизни. Завидуйте мне – я все время так живу. Я каждую секунду помню, что я живой и управляю своим будущим, что мог быть кошачьим прахом, а стал – мужчиной, почти миллионером, хозяином вот этой прекрасной машины.

– Денис, – сказал Лиза. – Вы мне жизнь спасли. Два раза.

– Не за что.

– Как вы узнали? Как вы оказались в гараже? Как вы вообще... – она запнулась.

– Видите ли, Елизавета, – Горохов снова перешел на вальяжный тон, – у меня почти нет принципов. Я человек свободный, не скованный комплексами, жизнелюб... Но пожелания Хозяина я всегда выполняю так хорошо, как только смогу.

– Вы ему служите?

– Пф! Я никому не служу. Я выполняю его пожелания, потому что мне так хочется. Я рад, что могу ему помочь.

Он мягко притормозил. Через дорогу метнулась тень – на мгновение сделались видны серые бока в клочьях белой свалявшейся шерсти и оскаленная красноглазая морда.

– Ой! Что это было?!

– Не важно, главное – вовремя сбавить ход... Карты при вас?

Она потянулась рукой к карману. Потом быстро ощупала себя.

– Денис, у меня, кажется, проблема. Я оставила в гараже сумку с документами, и...

– Да, это проблема завтрашнего дня, – Горохов мельком посмотрел в зеркало заднего вида. – А вот проблема сегодняшнего дня, вернее, сегодняшней ночи... Слышите?

Издали приближался рев мотора – такой громкий, что казался оглушительным даже на шоссе.

– Я бы хотела проснуться, – жалобно попросила Лиза. – Проснуться в своей кровати.

Горохов утопил педаль газа.

Здесь полно подушек безопасности, вспомнила Лиза, когда лес по обеим сторонам шоссе стал размазываться перед глазами. На скорости сто двадцать человек после аварии получают пару синяков... А на скорости двести сорок?!

Во всех зеркалах отразилась мотоциклетная фара. Лиза закрыла лицо руками, но сквозь щели между пальцами продолжала видеть: на скорости двести сорок машину медленно-медленно догоняла тень на двух колесах. Кажется, девуш-

ка Света получила обратно свое сердце, но получила его вместе с мотором и собственно мотоциклом. К счастью, Лиза видела ее долю секунды, мельком, и слепящая фара мешала разглядеть подробности.

Лиза завизжала.

Ее визг будто придал машине сил. «БМВ» рванул вперед так, что на спидометре не осталось отметок, и физические законы взяли все-таки верх над законами жанра: многострадальное Светино сердце по мощности уступало мотору «БМВ». Рев мотоциклетного мотора взмыл наивысшей нотой – и вдруг оборвался взрывом. Взметнулся столб огня, взлетело в утреннее небо одинокое колесо, и где-то далеко-далеко завывла милицейская сирена.

* * *

– А кто кормит кота, когда вас нет? Рыжика?

– Домработница, конечно. За Рыжика не волнуйтесь – я этого гада Дениса кормить и баловать буду до глубокой старости.

Маленький костерок, разложенный среди леса, горел экономно и чисто, цедил дымок и потрескивал ветками. Лиза и Горохов сидели по разные его стороны, Горохов на пне, Лиза на свернутом одеяле.

В придорожном деревенском магазинчике им удалось купить минеральной воды, хлеба и колбасы, но потреблять эту

колбасу без предварительной термической обработки Горохов не рискнул и теперь жарил колбасные колечки на острие шпаги. Что до Лизы, она испытывала чувство, противоположное голоду, – тошноту.

– Вы обещали рассказать о Хозяине.

– Вряд ли у меня получится. Я не могу сказать, что такое Хозяин, но точно знаю, чем он не является. Он не судья, не помощник, не палач, не надзиратель, не нянька, не фея, не демон. Он появляется, когда захочет. Иногда заглядывает каждый месяц, иногда не показывается по году. Как вы понимаете, в городе вечно беспокойно, полно завихрений, перерожденцев, теней, отражений. Бывает, и вещи похаживают. Но единственное, что может вывести Хозяина из себя, – натуральные люди, лишённые мотивации к жизни. Здоровые, благополучные, но вылинявшие и слабые, без воли и радости. Я знаю как минимум один парковый питьевой фонтанчик, который раньше был неопрятным студентом и повстречался Хозяину в темном переулке...

– Он превратил студента в фонтанчик?

– Он не превращает, он преобразовывает.

– Еще Игорь, – содрогнувшись, вспомнила Лиза.

– Какой Игорь?

– Тот парень, что сидит в обменной будке на остановке трамвая, он ведь всегда там сидит, посажен навечно. Он врос в свою будку, как...

Она запнулась.

Пережитый кошмар возвращался реже и слабее, будто за-
тухало движение маятника. Но произнеся слово «врос», она
тут же вспомнила Свету, похожую на экспонат кунсткамеры:
голые руки вместо руля, рама из обнаженных костей и напо-
маженные губы, натянутые вокруг фары.

Хорошо бы забыть это все навсегда. И хорошо бы пове-
рить, что несчастная девушка не вернется.

– Игорь врос в свою будку, – повторила она глухо. – Это
наказание?

– Я понял, о ком вы! – обрадовался Горохов. – Нет, это
скорее награда: парень никогда не был человеком, он просто
курс доллара, да и то аномальный...

– Что?!

– Ну, был момент, паника на рынке, курс доллара скакнул
так резво, что частично вывалился за границу установлен-
ной реальности, ну и остался бы призраком во веки веков.
Хозяин его подобрал – может, из любопытства, а может, и
пожалел. И вот – сидит Игорь в своей будочке, существует,
смотрит на мир глазами, дышит, даже кофе, кажется, пьет...
Кстати, не вздумайте у него ничего покупать, ни долларов,
ни...

– У меня нет денег, – сказала Лиза. – Все, что мне платят
в аванс и зарплату, я отдаю Алене... Ох, Алена! Что я ей
скажу, что я ей скажу?!

Зазвонил мобильный телефон. Горохов поощрительно
кивнул.

– Алло, – обморочным голосом сказала Лиза в трубку.

– Лиза? Лиза, ты где?!

– Я?

– У тебя все в порядке? Тут Пашка куда-то пропал, когда я спала, и ни слова не сказал! Приперлась его новая... то есть приехала его девушка, Римма, компостирует мне мозги, вынь да положи ей Пашу... Я с ума сойду! Ты где?

– Не знаю, – сказала Лиза. – То есть я тут со знакомым поехала погулять... Просто...

– Со знакомым? У тебя есть «знакомый»?! Браво, браво, рада за тебя... Когда ты вернешься? Он не говорил тебе, куда пошел?

– Нет. То есть нет, не говорил. Я вернусь...

– Скоро, – подсказал Горохов.

– Скоро, – обреченно повторила Лиза.

– Учти, после двух меня не будет дома!

И Алена дала отбой. Лиза опустила трубку.

– С меня хватит, – сказала тихо, но твердо. – Я согласна быть героем сериала, хоть второстепенным, хоть статистом. Я согласна жить в колее и вслепую. Пусть все станет, как было!

Горохов взял шпагу, как шампур, и придирчиво понюхал колбасу.

– Мне ведь их жалко, – еще тише сказала Лиза. – Они же родные люди.

– Персонажи.

– Ладно. Родные персонажи. В сущности, они ничем не отличаются от людей.

– Если, – Горохов по-кошачьи прищурился, – персонажи ничем не отличаются от людей – зачем вы вообще заварили эту кашу?

Лиза, не отвечая, долго смотрела в костер. За прошедшие сутки мир поменялся разительно; что же теперь, смотреть в глаза Алене, врать, что не знает, где Пашка...

А что будет потом? Когда найдут его тело в гараже, вместе с Лизиной сумкой?! Где, кроме колоды карт, лежат еще и документы...

– Лиза, вас ведь предупреждали, – Горохов зубами снимал колбасу с клинка и ел, часто облизываясь.

– *О таком?* Если бы я знала...

– Смену жанра сложно предугадать заранее. Все зависит от множества факторов. До сих пор я был уверен, что вы, во-первых, претендуете на человеческую жизнь совершенно справедливо, а во-вторых, своего добьетесь. Но теперь я больше не уверен. Мне жаль.

– Мне тоже, – честно призналась Лиза.

Они замолчали.

– Денис, а что это значит – быть человеком? – спросила Лиза.

– Ну, как же, – Горохов сорвал пучок травы и принялся чистить шпагу. – Во-первых, быть гуманным, чувствовать ответственность за мир, опекать животных, своих младших

братьев. Во-вторых, гордиться человеческим званием и не ронять его перед лицом опасностей, неудач, мировых катаклизмов...

– Вы издеваетесь? – Лиза бледно улыбнулась.

– А вы? – серьезно спросил он в ответ. – Вы у перемещенной личности, у кота, по сути, спрашиваете, что значит быть человеком!

Он поскреб шпагу ногтем, повертел, ловя солнечные блики, и спрятал обратно в трость.

– Ну, вы, насколько я понимаю, общались со всеми этими... фантомами вроде меня, – сказала Лиза. – С тенями, с проекциями, с вещами... с проклятиями...

– С проклятиями не общался, – сухо зато ответил Горохов. – С остальными – да. На бытовом уровне разница незаметна.

Солнце поднималось, высвечивая сосновые кроны. В стороне, в отдалении, все громче звучала трасса.

– Лиза, – сказал Горохов, поигрывая тростью. – А зачем вы решили стать человеком, если даже не знаете, что это значит? Чем отличается от вашего прежнего статуса? Ради чего дразнить сериал, возмущать информационную среду и рисковать, между прочим, своим существованием?

Она не ответила.

– Я могу точно сказать, что быть человеческим мужчиной значительно лучше, чем котом, потому что котам не дают водительских прав, – сказал Горохов. – Но вы, вы можете

сказать, почему быть человеком лучше, нежели простым героем сериала?

– Мне было... тесно, – сказала Лиза. – Иначе не могу объяснить.

В траве неподалеку от костра включился звонкий кузнецик.

– Что мне теперь делать? – спросила Лиза.

Горохов пожал плечами:

– Ищите карты. Где они?

* * *

На заброшенной стройке было тихо и сонно, дремали в траве бездомные собаки, вились бабочки и мухи. Лиза сидела, дрожа, оглядываясь каждую секунду: ей казалось, что за ней наблюдают, что тень придорожной липы шевелится как-то странно, что на краю зрения происходит движение, неразличимое прямым взглядом. Выбирая между двумя страхами – остаться одной или идти с Гороховым в невыносимо жуткий гараж, – она устроила так, чтобы бояться одновременно того и другого. Гараж был здесь, в двадцати шагах, и прошло долгих пять минут с тех пор, как туда вошел Горохов; вокруг, казалось, не было никого, кроме собак и насекомых, и даже продуктовый магазинчик не поднимал с утра пыльных оконных жалюзи. Лиза сидела на краю катушки из-под кабеля, скрытая травой и грудями кирпича, и мечтала, что-

бы их с Гороховым здесь никто не увидел. И не запомнил. И не сообщил потом милиции.

Открылась дверь гаража. Вышел Горохов, держа в левой руке Лизину сумку, а в правой – трость. Прикрыл дверь, но не стал запирать и зашагал по тропинке, легко и буднично, словно каждый день тем и занимался, что возвращался на место убийства.

– Вот, – он протянул Лизе сумку. – Проверьте: карты там?

На боку сумки имелось кровавое пятно, темное и заскорузлое, похожее по форме на Африку. Лиза колебалась целую секунду, прежде чем взять сумку в руки.

Колоды не было. Груда мелкого хлама, паспорт и пустой кошелек – но карт в сумке не оказалось.

– Интересно, – сказал Горохов. – Может, вы их оставили дома?

– Нет... Не помню.

Она посмотрела на Горохова снизу вверх – и удержалась от истерики:

– Я не могу идти домой. Алена меня увидит и сразу все поймет. Я не смогу с ней разговаривать.

– Кажется, после двух ее не будет дома?

– У меня нет ключей!

Горохов вытащил из кармана связку ключей, на которой Лиза узнала Пашкин брелок.

В квартире все было так привычно и буднично, что у Лизы закружилась голова. Она не спала ночь, она несколько раз пережила смертельный ужас; больше всего на свете ей хотелось принять душ и завалиться спать на родной диван.

Алена, уходя, оставила на кухонном столе записку: «Позвони, когда придешь! И включи телефон!»

Карты нашлись на тумбочке в Лизиной комнате. Лиза взяла их между ладоней, крепко сдавила; некстати вспомнился тот день, когда Алена здесь, в этой самой комнате, наставляла молодых насчет ремонта, Пашка с сонным видом сидел на подоконнике, а девочка Света переминалась с ноги на ногу, заранее со всем согласная, смиренная, обыкновенная до зубового скрежета...

Была ли Света персонажем? Как определить, кто из твоих ближних – человек, кто информационный фантом, кто ожившая вещь?

Она вытащила телефон, чтобы позвонить Горохову, но обнаружила, что аккумулятор сел. Отыскав зарядное устройство в ящике письменного стола, Лиза подключила его к розетке и снова без сил опустилась на диван.

Она не желала зла ни Свете, которую едва знала, ни Пашке, который вырос на ее глазах. Она понятия не имела, что делать теперь и что будет с Аленой. Хотелось закрыть глаза.

Колода пересыпалась легко, как новенькая, обгоревшие кромки щекотали ладонь. Лиза тщательно перетасовала ее, подтянула поближе диванную подушку и принялась раскладывать. Для дома, для дамы, для сердца. Что было, что будет, чем сердце успокоится; в летнем лагере они с девчонками, помнится, знатно гадали на королей...

Требовательно позвонили в дверь. Еще раз и еще. Лиза неудачно повернулась на диване, и разложенные на подушке карты соскользнули, перемешались.

Она не думала открывать. Незванный гость не думал снимать палец с кнопки звонка.

– Я знаю, что вы дома!

Резкий женский голос. Сейчас сбегутся все соседи; суббота, три часа дня, скандал на лестничной площадке.

– Я знаю, что вы дома! Отпирайте, или я вызову милицию!

Лиза поежилась. Босиком пошла к двери.

– Откройте!

– Кто там?

Звонок оборвался. Лиза посмотрела в глазок и увидела девушку пышных форм, яркую блондинку; вместо фиолетового платья на ней было теперь бирюзовое.

– Это кто? – спросила блондинка несколько растерянно. – Мне надо Алёну Дмитриевну!

– По какому вопросу? – поинтересовалась Лиза.

– По такому вопросу, что я беременна от ее сына! – блондинка говорила громко и внятно. – По такому вопросу, что

она его от меня скрывает!

Лиза на цыпочках отошла от двери. Вернулась в свою комнату, включила мобильный телефон, не отсоединяя от розетки.

– Алло, – вальяжно сказал Горохов.

– У меня, кажется, началась комедия абсурда, – с нервным смешком сказала Лиза.

– А что карты?

– Карты?

Лиза посмотрела на диван. Карты рассыпались и частью упали на пол. Все лежали рубашками кверху.

– Я сейчас, одну минуту...

Снова грянул дверной звонок.

Лиза торопливо собрала колоду. Пересчитала; одной карты не доставало.

Звонок не унимался. В помощь ему заголосил мобильный.

– Алло?

– Лиза! – Алена не скрывала раздражения в голосе. – Почему ты не звонишь? Где ты?

– Дома...

– Слава богу! Пашка вернулся?

Лиза поперхнулась. Алена отлично помнила, что у сводной сестры нет ключей от квартиры.

– Я тебе перезвоню, – Лиза дала отбой. На лестничной площадке слышались, кажется, уже голоса соседей.

Она снова пересчитала карты. Одной не хватало; Лиза

встала на четвереньки и заглянула глубоко под диван.

Карта лежала рубашкой кверху почти у самой стены. Лиза потянулась, нащупала гладкий прямоугольник, подтянула к себе.

Перевернула, открывая карту.

Это были две строчки из восьми цифр. Или восемь колонок по две цифры. Или восемь пар, разделенные точками. Цифры не были ни датами, ни номером телефона, они не имели смысла и вместе с тем показались Лизе чрезвычайно знакомыми.

Трясущимися руками она быстро перемешала колоду. Сбросила подушку на пол и разложила карты на вытертой диванной обивке. Выпала та же карта: цифры, красно-коричневые, в стилистике простейшего табло.

Она разложила во второй раз. В третий. Колода поддавалась все хуже, слипалась, норовила выскользнуть из рук. Выпадала все время одна и та же карта; Лиза тупо смотрела на нее и не могла понять. Колода, изловчившись, все-таки съехала с края дивана и рассыпалась по полу.

Дверной звонок не умолкал ни на секунду. Лиза набрала номер Горохова.

– Денис, я ничего не могу понять, здесь цифры.

– Какие цифры?

– Три, один, точка, пять, два... Три, три, точка... Что мне делать? Здесь новая Пашкина любовница, она переполошила весь дом, скоро вернется Алена... Что мне делать?

– Зависит от того, что вы хотите получить в результате.

– Хочу все вернуть обратно!

– Да, – помолчав, сказал Горохов. – Вам надо к Хозяину.

Но я не уверен, что он вас примет.

– Примет!

Она заметалась по комнате. Взяла сумку. Отложила, заметив пятно крови. Снова взяла. Торопливо собрала колоду, сунула в карман джинсовой юбки. Обулась в прихожей, на всякий случай взяла теплую куртку и, секунду помедлив, распахнула дверь; на лестнице, свешиваясь с перил и поднимаясь на цыпочки, живописно располагались соседи, а в центре их внимания пыхла раскрасневшаяся блондинка. Она давила на кнопку звонка и после того еще, как Лиза выбралась из квартиры.

Соседи оживились.

– Вы же видите, она не в себе, – сказала им Лиза. – Вы же видите, человек ломится в чужой дом – хоть бы участкового вызвали, что ли!

– Я сама пойду в милицию! – рявкнула блондинка. – Ваша семейка вся заодно! Где Павел? Я беременная!

– Павла нет дома, – любезно сообщила Лиза. – И не будет. Я его убила, иду сдаваться, – в доказательство она потрясла свернутой теплой курткой.

Соседи весело заржали. Блондинка выпучила глаза:

– Вы его не спрячете! Даже на том свете! Он обещал мне жениться – вот пусть и женится!

Лиза воспользовалась ее замешательством и сбежала вниз по ступенькам.

Мир вокруг был очень ярким. Синяя и желтая плитка на лестничных площадках, красные перила, зеленые стены; странно, Лиза никогда раньше не замечала, в какие тропические тона окрашен обыкновенный городской подъезд. Разве что в детстве, когда она вдруг будто забывала, кто она, и привычные вещи казались новыми, а собственное имя – странным. Но в детстве это чувство было жутким, как падение, а теперь она удивленно оглядывалась, как человек, впервые снявший очки с очень грязными стеклами.

Она вышла во двор и на секунду остановилась, пораженная потоком свежего воздуха, силой и уверенностью солнечного света, совершенством птичьих голосов. Она слабо улыбнулась – и поняла, что не улыбалась уже много дней, что лицо ее отвыкло улыбаться и нужные мышцы едва не атрофировались. Она зашагала через двор, отлично помня и понимая, что Пашка убил Свету и погиб сам, что Алена еще ничего не знает, и жизнь с каждым шагом становилась прекраснее – может быть, потому, что каждый шаг приближал к пропасти.

* * *

Сиреневый куст еле вздрагивал пыльными листьями. Солнце стояло еще высоко, небо оставалось чистым, и зон-

тика не было в сумочке. Лиза решительно шла к остановке маршруток; огромная улица была пуста, желтая бабочка сидела на асфальте, на белой полоске дорожной разметки. В пыли у скамейки валялся измятый пластиковый стаканчик. В окошке будки обменника светились, как у кошки, глаза сидельца Игоря.

Лиза подошла. Игорь смотрел на нее снизу вверх, почти подобострастно.

– Я хочу поехать к Хозяину, – сказала она.

– Я тоже, – сразу согласился Игорь. – Но это нельзя, если он не зовет.

– Меня он звал.

– Однажды звал, и вы к нему ездили. А второй раз он вас не звал.

– У меня проблемы, – сказала Лиза. – Гораздо серьезнее, чем были раньше. Я уже не хочу быть человеком. Меня устраивает роль персонажа второго плана.

– Вы напрасно так говорите, – сказал Игорь шепотом. – Быть человеком – круто. Я бы хотел. Но я не могу.

– Вы правда – курс доллара?

– В прошлом, – Игорь торопливо кивнул. – В прошлом – курс доллара, это было трудное время, меня так бросало...

Он поднял глаза, будто мысленно обращаясь к высшей силе. Лиза, почти против воли, вслед за ним тоже подняла голову и увидела доску над обменником с сегодняшним курсом валют: три, один, точка, пять, два. Три, три, точка, де-

вять, ноль...

Она сдвинула колоду карт в кармане, так что обгорелые кромки врезались в ладонь.

– Очень хороший курс, – оживился Игорь, проследив за ее взглядом. – Хотите купить доллары, евро?

– Игорь, – сказала Лиза. – Что мне теперь делать? Вы должны знать.

– Идти до конца, конечно, – будто иллюстрируя свои слова, он подался вперед, к решетке. – Быть человеком... круто. Завидую.

– А почему круто? В чем крутизна? – Лиза склонилась к окошку и взялась за решетку так крепко, будто не Игорь, а она была здесь заключенной.

Кассир мигнул. Секунду молчал, будто никак не мог решиться.

– Персонажи живут по вертикали, – сказал наконец. – От события к событию, от перипетии к перипетии. Вещи живут по горизонтали – только тем, что есть сейчас, они увязают во всем, что творится вокруг, быт ли это, ремонт ли, болезнь или любовь – они увязают, как в битуме. Тени вообще не живут... Проклятия... я не знаю толком, и не будем о них. И только человек, насколько мне известно, способен жить сразу во многих измерениях. Только человек способен радоваться солнечному свету сейчас – и встрече с другом завтра. Быть человеком – прекрасно, Елизавета. Если Хозяин сказал, что вы способны им стать, – почему вы отказываетесь

даже пытаться?

Лиза закусила губу:

– Потому что сериал сопротивляется.

– Это хорошо, значит, вы все правильно делаете.

– Да, но гибнут люди... Ладно, пусть даже персонажи, но они гибнут...

– Вы сочувствуете полюбившимся персонажам, когда они погибают. Это правильно. Так и люди ведут себя.

– Но ведь я – причина их гибели!

– Это вам так кажется. На самом деле сериал сам знает, кого и когда убить...

Игорь говорил горячо и убедительно. Лиза закусила губу, чтобы удержать слезы, и отошла от окошка.

На дороге по-прежнему не было ни единой машины. И ни единого прохожего. Лиза встала у кромки тротуара, дожидаясь трамвая, высматривая его, – но минута шла за минутой, и ничего не происходило.

Ноги перестали держать ее. Она тяжело опустилась на край лавочки, вытащила карты и разложила прямо здесь, на коленях, на юбке. Выпала новая карта.

Это был текст, который она помнила наизусть, текст, напечатанный косо, по диагонали, поверх неясных карандашных схем: «...человек, через внешний облик которого передается его внутренний мир, характер, психологическое состояние, а также человеческое тело, передача движения...»

Она заново перетасовала колоду.

«...внутренний мир, характер, психологическое состояние, а также человеческое тело...»

Зазвонил телефон в перепачканной кровью сумке.

– Алло!

– Лиза, у нас проблемы, – сдавленным голосом сказал Горохов. – Быстро идите в ближайшее отделение милиции.

– Куда?!

– Идите в милицию, признавайтесь в убийстве племянника.

– Что?!

– Если вас сейчас запрут – может быть, спасетесь.

– От чего?

– Нет времени!

– Но я его не убивала! Я не убивала...

– Делайте, если хотите жить!

Запищали короткие гудки. Лиза встретила взглядом с Игорем, наблюдавшим за ней из глубины своей будочки.

– Трамвай не придет? – спросила она.

Игорь отрицательно помотал головой.

Лиза встала и, пошатываясь, двинулась к метро. Туда, где должно быть метро. Куст сирени служил ей ориентиром; вот прошел прохожий, а вот сразу трое. Вот прокатила, сигнала, машина по тротуару. А вот уже толпа, как много людей, тени на асфальте, фантики возле урны, дети с шариками из «Макдоналдса», троллейбус...

– Елизавета Николаевна!

Она обернулась. Человек с острыми глазами, похожий на следователя в штатском, как их изображают в кино, – этот самый человек поднялся со скамеечки у края газона.

– Елизавета Николаевна, можно вас на пару слов?

Она открыла рот, чтобы ответить, может быть, отрицательно и резко – но в эту минуту ее захватили сзади, зажали рот, чем-то брызнули в лицо, и она отключилась.

* * *

Когда ее втокнули в подвал, она соображала еще очень плохо, и ноги подкашивались через шаг. Ее вели или тащили с двух сторон двое мужчин в медицинских перчатках; в подвале горели под потолком голые лампочки, вдоль стен тянулись трубы, крашенные серо-зеленой краской, и черные кабели. Пол был бетонный, с редкими подсохшими лужами, каждая – в белом неровном ободке кристаллизовавшейся соли.

На полу, в кольце света под яркой лампой, сидел Горохов: оба глаза в кровоподтеках, губы в крови, глаза мутные; руки его были скованы за спиной милицейскими наручниками.

– Денис! – Лиза только теперь испугалась.

– Попали, – только и сказал Горохов. И отвернулся, будто не желая смотреть ей в глаза.

Лизу отпустили. Она пристроилась рядом с Гороховым, вытащила платок из сумки и попыталась промокнуть его все

еще кровоточащее, надорванное ухо. Он мотнул головой:

– Не надо.

– Денис...

– Что сказали карты?

– Не знаю. Я не успела. Я не поняла.

Горохов зарычал сквозь сомкнутые зубы.

Лиза потрясла головой. К ней возвращалась способность смотреть без головокружения и соображать без длинных пауз; вокруг в полутьме происходило что-то, собирались люди, их туфли то уверенно, то опасливо ступали по бетонному полу: мужские летние туфли, пыльные кроссовки, пляжные сандалии, женские мокасины и даже туфли-лодочки на шпильках. Прокатился, поскрипывая колесиками, сервировочный столик. Щелкнула зажигалка, загорелась одна свеча, другая, и скоро на полу вокруг Лизы и Горохова вырос целый лес горящих свечек. Противный звук мелка по бетону заставил ее поежиться: несколько рук взялись выписывать на полу знаки, круги и треугольники, и Лиза с Гороховым оказались в кольце меловой вязи.

Признаки оккультного ритуала становились все более явными. В полумраке обозначились лица, покрытые прозрачные силиконовыми масками и оттого казавшиеся намазанными толстым слоем жира.

– Что это вы делаете? – спросила Лиза громко.

Ей никто не ответил. Один мелок с хрустом сломался, его осколок отлетел Лизе чуть ли не под ноги – белый и острый,

словно косточка. В ту же секунду лампочки погасли. Подвал освещался теперь только огоньками свечей; лица, подсвеченные снизу, утратили последний намек на обаяние.

– Фагоциты, – сказал голос, усиленный микрофоном из-под караоке. – Вы знаете, как страдает в последнее время информационное пространство, как чудовищно засоряют его, искривляют и загаживают выхлопы нашего нездорового общества. Среди людей нечувствительно приживаются герои сериалов, пошлые и примитивные создания, пародии на людей! Среди людей живут также тени и вещи, не говоря уже о проклятиях, которых нам еще не доводилось захватывать, но обязательно доведется! И Хозяин терпит это, то ли бросив людей на произвол судьбы, то ли целиком положившись на нас, фагоциты. И мы оправдаем его ожидания.

Голос замолк. Под сводами подвала сделалось тихо. Еле слышно журчало нутро толстых труб.

– Перед вами две нечеловеческие твари, фантом и перемещенная личность, – с усталой брезгливостью в голосе сказал невидимый оратор. – Сегодня мы очистим от них информационное пространство. Готовность – шестьдесят секунд.

И снова сделалось тихо. Силиконовые маски подступили ближе и плотнее обступили Горохова и Лизу.

– Погодите! – сказала она громко. – Вы ошиблись. Вы поймали не тех! Это ошибка!

По-видимому, все жертвы до нее начинали оправдание именно этими словами. И жертвы после нее, конечно же, не

придумают ничего нового; маски подступили еще на один шаг. Лизины слова их не взволновали.

– Никто не имеет права чистить от нас пространство! Мы такие же существа, как вы! Мы... может, мы как раз стараемся стать людьми!

Никакого эффекта. Толпа сходилась в молчании, и непонятно было, что именно собираются предпринять фагоциты. Раздавить пленников массой, задушить, как в переполненном автобусе?

Горохов поднял голову, поднял дыбом волосы на макушке и оскалился, как загнанный в ловушку кот. Лиза всматривалась в маски, силясь различить под ними лица; она пыталась понять, кто из фагоцитов явился в подвал в кроссовках, кто в сандалиях, кто в туфлях на шпильках. Обувь, которую она случайно видела получасом раньше, показалась в этот момент ключом к спасению, кодом, пуповиной, соединяющей бредовое видение с бытом, с повседневностью, с жизнью.

Маски начали слипаться. Монолитная толпа сделалась плотной агрессивной средой, будто серная кислота, загустевшая до плотности жевательной резинки. Лиза поняла, что происходит и что произойдет через минуту; как сливаются шарики ртути, как спекаются расплавленные стружки, так окружавшая их толпа слиплась в единое целое, заключая Лизу и Горохова в пищевую вакуоль и готовясь приступить к трапезе.

Она пошатнулась, собираясь свалиться на Горохова, и на-

ступила на осколок мела. Острый край проткнул тонкую подошву туфли, как ни одна горошина не пробивала дюжины матрацев. Лиза вскрикнула.

В детстве да и в юности у нее бывали моменты, когда казалось, что все вокруг чужое. Имя ее, повторенное сто раз, непривычно и странно звучало, а знакомые предметы выглядели по-другому. Тогда единственным спасением был повседневный, рутинный, ежедневный быт: повторяющиеся маршруты, распорядок, расписание.

Она боялась затянувшихся выходных. Внезапно изменившихся планов. Праздников. Отпусков. Переездов.

Но она была экскурсоводом и не боялась толпы. Она знала, что противопоставить безразличию, насмешке или даже агрессии: громкую выверенную речь.

– В скульптуре воспроизводится реальный мир! – выкрикнула она в лицо подступающим маскам. – Но основным объектом изображения является человек, через внешний облик которого передается его внутренний мир, характер, психологическое состояние! А также человеческое тело!

Неподвижный воздух в подвале дрогнул. Горохов тяжело дышал и смотрел на Лизу снизу вверх.

– Выразительность скульптуры достигается с помощью построения основных планов, световых плоскостей, объемов, масс, ритмических соотношений! Большое значение имеют четкость и цельность силуэта! Четкость и цельность силуэта! Четкость и цельность!

Она шагнула вперед, и стена масок отступила под напором.

– Один из видов скульптуры, обозримой со всех сторон, называют круглой скульптурой! Обход – одно из важнейших условий восприятия круглой пластики!

Лужи испарялись, поднимая туман над зеркальцами темных поверхностей. Белые кромки соли становились шире и обретали сходство с кольцами Сатурна.

– Чтобы рассмотреть трехмерный объем скульптуры, представить себе решение статуи в целом или увидеть все фигуры скульптурной группы, зрителю надо обойти вокруг скульптурное произведение!

Лиза кричала в полный голос. Лиза испытывала вдохновение, словно оперная дива в момент бенефиса; в эту минуту, ненадолго, впервые и, может быть, раз в жизни, она увидела мир – и себя, – как его видят люди.

Совершенная яркость и четкость. Покой в сочетании с движением. Гармония каждого шага, звука падающих дождевых капель и шелеста листьев под ногами, осознание, что некуда спешить. Лиза поняла в этот момент, по чему тосковал несчастный Игорь, когда говорил о радости солнечного света.

А потом наваждение закончилось, и Лиза сразу забыла половину всего, что чувствовала и знала в этот момент. И ей сделалось грустно.

В подвале тяжело дышали десятки ртов. Переминались на

бетоне кроссовки и туфли. В задних рядах кто-то начал снимать силиконовые маски – лица под ними были потные, красные и растерянные.

– Скульптура бытового жанра показывает людей в привычной для них среде, за постоянным занятием, – сообщила Лиза резко, будто вбивая в могилу осиновый кол. Язычки оплывающих свечей задергались. Под ногами скрипнул мел, растертый почти в порошок.

– Кто следит за освещением?! – дискантом крикнул кто-то в глубине подвала. – Почему у вас половина софитов вообще не горит? Где прострел в правом дальнем углу?

Напряженная тишина разбилась. Разом начались движение, ворчание и ругань.

– Не ходите по кабелям! Под ноги смотрите!

– Конец смены, обед будет сегодня или нет?

– Я ухожу, у меня закончился контракт...

– Проверьте штекеры! Где-то искрит...

– Дежурного инженера ко мне! Немедленно!

Фигуры двигались в полумраке, соединяясь и распадаясь. Где-то капала вода, ворчали трубы, разными голосами звонили мобильные телефоны.

Лиза опустилась на бетон, на раздавленный мел. Горохов повернул к ней распухшее, в кровоподтеках лицо:

– Как вы это сделали?

Она не знала, что ответить.

Рыжий трехлапый кот мирно спал на диване. Горохов сидел, держа у лица пузырь со льдом, и время от времени вздыхал сквозь сомкнутые зубы. В его просторной, тщательно обставленной гостиной скучали гекконы в большом аквариуме и дымились на сервировочном столике две чашки кофе.

– Я открою вам страшную тайну, – сказала Лиза. – Людей нет.

– Не понял? – Горохов смотрел на нее из-под пузыря, как из-под огромной кепки.

– Людей нет. Мы все – фантомы и фагоциты. Тени, вещи, персонажи, отражения, перемещенные личности и еще, наверное, тысячу наименований. Мы придумали, будто живем среди людей, и это помогает: некоторые из нас даже хотят стать людьми. А фагоциты – те вообразили, что воюют за людей.

– Люди везде вокруг нас, – неуверенно предположил Горохов. – На улице. В толпе...

Лиза покачала головой:

– Нет. Человек – колоссальная редкость. И ценность. Понимаете?

– Нет, – грустно сказал Горохов. – Я просто кот. И сегодня я струсил так, как не пугался со времени памятной катастрофы.

– Вы никогда раньше не встречались с фагоцитами?

– Не было никаких фагоцитов, понимаете? До тех пор, пока я не взялся помогать вам, – фагоцитов не было! А теперь они есть, мало того – они были всегда! Они охотятся, видите ли, на фантомов, очищают информационное пространство, и мне, перемещенной личности, надо ходить с оглядкой! Потому что я, в отличие от вас, неспособен на ходу перекраивать действие, превращать палачей в экскурсантов, реальность – в имитацию, и если меня заловят в одиночку – от меня, кота, надежно очистят мир, будьте спокойны!

– Простите, – сказала Лиза.

– Вам не за что извиняться...

Он подобрал пульт от телевизора, валявшийся на ковре, и направил на плазменную панель на стене. Экран осветился.

– ...пришла в ужас. Но, ты понимаешь, если сейчас его не окольцевать, потом он вообще не захочет. Надо вогнать его в какие-то рамки, пока возможно...

Шел сериал. Говорила молодая женщина, ухоженная, нарядная, с профессиональным макияжем.

– Наверное, – согласилась ее собеседница, милая простушка с рыжими колечками на висках. – А на ком он женится?

– На восемнадцатилетней девочке из провинции...

Горохов переключил каналы. Появился баскетбольный зал, и двухметровые мужчины с мокрыми от пота лицами повели борьбу за мяч.

Горохов выключил телевизор.

– Расскажите мне, как это, – сказал, помолчав.

– Что?

– Как это – быть человеком.

– Я не знаю. Я же не...

– Вы, по крайней мере, имеете представление.

– Ну... – Лиза задумалась.

Она вытащила колоду из кармана юбки. Карты скользили и шелестели, как новехонькие, и сами, кажется, просились, чтобы их перетасовали.

Чертежи и схемы помещений. Дорожные развязки, странички из паспортов, распечатки счетов и чеки из супермаркетов – все в черной рамке обгорелых краев. Лиза складывала их, карту к карте, тринадцать в ряд, и еще, и еще, пока не выложила все на ковре посреди комнаты, лицевой стороной кверху.

– Человек, – сказала Лиза, – способен жить сразу во многих измерениях. Он – волна, последовательность волн, как прибор. И он же – поток частиц, движение к цели, он замах и удар, он мотивация и действие. Он отбрасывает тени, создает вещи, творит проклятия, выдумывает персонажей. Мы все – плоские картинки, следы подошв на дороге или отпечатки зубов на огрызке яблока. Мы все осознаем себя в этом мире потому, что в нем существуют люди. Пусть они не ходят вокруг, но они – существуют, как идея, как ценность...

Горохов слушал ее с напряженным вниманием. Лиза, на

секунду задумавшись, посмотрела вниз.

В этот момент узор на картах, случайным образом выложенных на ковре, сооткнулся в единую картину. Лиза увидела дождь, подвижную поверхность луж, потоки воды на асфальте. Лиза увидела цветущий куст сирени, выкипающий из клумбы, будто каша из волшебного горшка. Брызги ударили ей в лицо, закружилась голова, и она упала в карты, будто в колодезь, – под дождь.

* * *

Потоки воды молотили по ткани зонтика, по пестрым ягодам и ромашкам. Ноги промокли до колен; под кустом сирени стоял, укрывшись от ливня, человек в светлом пиджаке и джинсах. Прижимал к груди плоский портфель – и блестящую упаковку с кошачьим кормом.

Он казался сошедшим со старой черно-белой фотографии, хотя джинсы его были синими, а пиджак – бежевым. Наверное, в этот момент не стало категорий «цвет» и «форма», или даже «время» и «возраст», или «фактура», или «цена»; человек поглядывал вверх, на небо, ежился и слабо улыбался. Сквозь листья сирени уже пробивались капли.

Он вымокнет за две минуты, подумала Лиза. Подошла, ступая по лужам, вопросительно приподняв раскрытый зонт:

– Может, спрячетесь?

– Спасибо, – торопливо сказал мужчина. – Но я побегу,

пожалуй, на метро, у меня кот с утра не кормлен...

– Я тоже побегу, – сказала Лиза. – Нам по дороге, мне тоже надо к метро.

– Спасибо, – он улыбнулся шире. – Осторожно, вы ступаете по лужам...

– Мне все равно, – сказала Лиза.

Она смотрела на него, будто сквозь запотевшее стекло, и по мере того, как дождь смывал испарину, видела все четче.

Оса

Окно было распахнуто настежь, хотя Ольга отлично помнила, как закрывала задвижку изнутри. Скверно; квартира на втором этаже, решеток нет. Приходите, люди добрые, берите все, нам не жалко.

Первым делом она попятилась к двери. Если вор еще в квартире... Нет, Ольга не собиралась предъявлять ему претензии лично. Отступая, она вернулась в коридор. Прислушалась. Снова заглянула в квартиру – очень осторожно, чтобы в случае чего моментально дать деру.

Тихо. Только ветер колышет занавеску. На улице плюс тридцать, дико орут воробьи, но в квартире не слышно ни чужого дыхания, ни скрипа паркетины под затаившимся человеком. А ведь старый паркет лучше любой сигнализации: трещит, даже если стоишь на месте.

И вот еще: запах. Ольга отлично знала запах своей квартиры и моментально различала посторонние примеси в этом букете. Когда приходил сантехник, когда являлись редкие гости, когда почтальонша, встав на пороге, просила расписаться в ведомости за бандероль – всякий раз Ольга ощущала чужой запах и радовалась, когда через некоторое время он рассеивался.

А теперь ее нос не чуял пришельца. Букет квартиры стоял первозданным, только с улицы летели, вместе с ключьями

тополиного пуха, выхлопные газы от соседских «Жигулей».

– Эй, – сказала Ольга вслух.

Никто ей не ответил.

– Почему открыто окно? – громче спросила Ольга.

Окно не признавалось. Возможно, вор – если здесь был вор – уже свершил свое черное дело и убрался вон? Ольга ощутила новую тревогу. Ей еще не приходилось бывать ограбленной, и она не хотела пробовать.

На цыпочках, под скрип паркета и крик воробьев за окном, она начала обследовать квартиру шаг за шагом. Большая комната; никого. В шкафу полный порядок. На кресле валяется ноутбук. Оставил бы вор его вот так валяться?

– Пиджак импортный замшевый – две штуки, – сказала Ольга и услышала в своем голосе облегчение. – Портсигар золотой, отечественный – три штуки...

Дело ясное. Дамочка неплотно закрыла задвижку, ветром распахнуло окно, и незадачливая хозяйка, вернувшись, мысленно пережила целое приключение.

На всякий случай Ольга еще раз обошла квартиру и не нашла не то чтобы вора – вообще не обнаружила никакой странности. Кроме разве что светлого плаща в шкафу в прихожей. У Ольги никогда не было такого плаща – светлый, длинный, весь какой-то неуместный и в то же время стильный. Ношенный. С подсохшими пятнами на подоле – как будто хозяина плаща обдало струей грязи из-под колес проезжающей машины. Странное дело.

Ольга прищурилась. Любое событие имеет причину и следствие. То, что случается, может пугать или радовать, приносить пользу или вред. Ничего удивительного; она повторила несколько раз про себя: ничего удивительного.

И, конечно же, сразу вспомнила: пару лет назад она купила этот плащик по случаю, но неудачно. Надевала раза два или три. Как он попал в шкаф? Наверняка есть объяснение. Наверняка сама Ольга по рассеянности поместила его сюда, причем давно, еще весной. Конечно же, так и есть: в карманах плаща нашлись две мелкие монеты и смятый чек из супермаркета от шестнадцатого апреля.

Плащ звенел в руках даже после того, как была извлечена из карманов мелочь. Ольга присмотрелась: опять-таки ничего удивительного. На светлом рукаве болталось украшение – штука вроде металлического браслета, причем узор на нем явственно складывался в слово «ОСА». Ольга повертела ее так и эдак, даже задумалась – оторвать, что ли? Оригинальная штучка... Хотя смотрится, конечно, дешево; Ольга свернула плащ и сунула на антресоли – туда, где ждала своего часа старая одежда.

Поужинав, окончательно успокоилась и взяла телефонную трубку.

– Добрый вечер, Витя, – сказала очень сдержанно. – Поздравляю: меня сегодня чуть не обокрали. Открыли окно... Я не знаю как! Поставь мне, пожалуйста, решетки, если не хочешь, чтобы тебе позвонили из милиции и пригласили на

опознание моего трупа, который зарезали ночью в собственной постели. Целую. Бай.

* * *

Ночью она проснулась от совершенно определенного шороха.

Это был не сон и, к сожалению, не фантазия. На кухне горел свет, косой дорожкой падал на линолеум в прихожей, и эту дорожку то и дело перекрывала тень – на кухне хозяйничал человек.

На этот раз было слышно дыхание. И вроде бы даже шепот сквозь зубы. А чужого запаха по-прежнему не ощущалось. Ольга, затаившись, лежала в постели, натянув одеяло до подбородка.

Без паники. Где телефон?

На подзарядке, в кухне. Там же рядом и мобильный. Выключен на всякий случай: вдруг среди ночи позвонит какой-нибудь сумасшедший?

Дрожа, Ольга выбралась из-под одеяла. Подхватила со стула шелковый халат с бабочками и драконами. Какого лучшего она озадачила Виктора своим зловещим предостережением, историей о трупе в кровати? Страшно, зуб на зуб не попадает...

В крайнем случае успею выпрыгнуть во двор, подумала она обреченно. Лучше сломанные ноги, чем маньяк с ножом

у горла. И, покосившись на приоткрытое окно, Ольга босиком, на цыпочках двинулась в сторону кухни.

Незванный гость не услышал треска паркета. Он был очень занят – выложил на стол содержимое холодильника, все полностью, до последнего яйца и коробочки с медикаментами. И, склонившись над этой – не очень внушительной – грудой, быстро ел, хрустя и давясь, повернувшись к двери спиной.

Ольга постояла. Время шло, тикали часы над холодильником. Ночной грабитель ел; когда он проглотил в два приема плавленый сырок вместе с упаковочной фольгой, у Ольги заняло сердце. Когда он добрался до пластмассовой баночки с шарообразной крышкой, она не выдержала:

– Это крем для лица!

Грабитель замер. Медленно обернулся; Ольга попятилась. Незванный гость был тощ, довольно высок и бледен. Уши оттопыривались. Глаза неопределенного цвета сидели глубоко, обведенные темными тенями.

Ольга осознала всю глупость своего поступка. Пусть бы жрал крем на здоровье; пока вор был занят, у хозяйки оставался шанс выйти из квартиры, позвонить в милицию, поднять соседей...

Она попятилась, готовясь закричать.

– Добрый вечер, Оля, – быстро сказал пожиратель сырков. – Все хорошо. Ты меня узнаешь? Я твой муж, Эдик!

Говоря, он улыбался, понимающе разводил руками, подмигивал – словом, делал все, что полагается делать маньяку

за секунду до нападения. Но Ольга, вцепившаяся в дверной косяк, вдруг припомнила: Эдик... Лыжный курорт... Они познакомились у камина, сидели, потягивая коньяк, и беседовали до утра...

– Бросьте, – она провела рукой перед глазами, будто обирая паутину. – Мой муж – Витя. И мы разошлись ко всеобщей радости...

Грабитель быстро замигал:

– Нет. Твой муж – Эдик, это я. Хочешь, пойдем завтра в кино? Или в театр? Я Эдик, твой муж, это естественно! Оля, ложись спать, что ты ходишь среди ночи, я просто проголодался, ты помнишь, у меня есть такая манера – ночью подходить к холодильнику... Иди спать, ну, иди!

Она повернулась, как сомнамбула, и двинулась в спальню. Села на постель, хлопнула глазами.

Воспоминания наступали, рваные, в общем приятные, но не слишком правдоподобные: она живет с мужем... Любит его... Мужа зовут Эдик... Он работает в каком-то банке...

Эта неопределенность – «в каком-то банке» – здорово смутила ее. Кем работает? Или у них в семье настолько не принято говорить о работе, что она понятия не имеет, клерк ее благоверный – или генеральный директор?

Она провела по одеялу трясущейся ладонью. На кухне все еще горел свет. Судя по звуку, муж Эдик вылизывал баночку из-под крема.

– А почему у нас в доме одна кровать? – спросила Ольга

вслух. – Причем односпальная?!

Сквозь ее оцепенение прорвались другие воспоминания, более определенные, но вовсе не приятные: будто в теплую ванну под большим напором хлынула ледяная вода. Как они разъезжались с Витей, как он увез кровать, а ей взамен привез вот эту, «детскую», был в этом какой-то оскорбительный намек...

На кухне было очень тихо. Ольга поднялась, на этот раз решительно, прошлепала по скрипучему паркету, остановилась в освещенном прямоугольнике дверей. «Муж Эдик» сидел на табуретке, облизывая перемазанные кремом губы.

– Я же сказала, что это крем для лица!

– Прости, – быстро сказал Эдик. – Я куплю тебе другой. Я ведь твой муж, Эдик...

Он покосился на стол – на остатки трапезы. Потянулся к позавчерашней вареной колбасе, которую Ольга собиралась подарить дворовым кошкам.

– Ты не ответил, почему у нас в доме нет двуспальной кровати, – Ольгино сознание раздвоилось. С одной стороны, все это выглядело жутко: незнакомый безумец, съеденный крем... С другой стороны, очень важным казалось разрешить загадку: если они в самом деле поженились, неужели ночуют по очереди, а любовью занимаются на полу?!

– Двуспальной нет, потому что... мы собираемся ее купить. Завтра. Да и... послушай, какие мелочи, при чем тут кровать? Я с одинаковой силой могу тебя любить на ковре,

в машине, на верхушке небоскреба, на гребне волны!

Он встал и распростер объятия. Ольга отпрыгнула и раскрыла рот, собираясь немедленно перебудить весь дом.

– Не кричи! – в голосе «мужа Эдика» была теперь мольба. – Можешь пугаться. Это естественно. Только не удивляйся.

Он судорожно сцепил ладони. На правом его запястье Ольга разглядела крошечную татуировку – ОСА. Я рехнулась, подумала Ольга обреченно. С моим образом жизни – ничего удивительного.

– Я не причиню тебе вреда. Никакого. Я безвреден. Абсолютно. Разве это не счастье – жить рядом с верным, ласковым, преданным мужем?

Он говорил и смотрел ей в глаза. Ольга откинула со лба волосы; захотелось зевнуть, прикрыв рот ладонью, потянуться, пробормотать под нос: «Ну, Эд, ты даешь», и укувылять в спальню, лечь в кровать, зная, что завтра утром на весь дом запахнет кофе...

Но это же все вранье!

Две Ольгины жизни – истинная, в которой не было никакого Эдика, и мнимая, иллюзорная, навеянная непонятным гипнозом – схлестнулись. Понимая, что пропадает, Ольга схватила воздух ртом, наполнила легкие и даже ухитрилась издать первый звук:

– По...

Эдик рухнул. Сложился сам в себя, изменил форму, как

герой пластилинового мультлика. Какое-то мгновение он был плащом, светлым плащом, потом съежился, как пара свернутых носков. Секунда – темная тень скользнула по полу и закатилась под шкаф.

Ольга потеряла сознание.

* * *

– Бли-ин!

Солнце пробивалось сквозь выгоревшие шторы. Ольга лежала на спине, слушая развязное чириканье воробьев. Под окном взвыл кот, не то возмущенно, не то победно.

– Ну почему мне в последние дни снится всякая дрянь? – вслух спросила Ольга. И тут же ответила: – Наверное, магнитные бури.

За последний год она настолько привыкла к самостоятельной жизни, что обменивалась репликами сама с собой не только без стеснения, но даже с некоторой гордостью.

Массируя веки, она неторопливо направилась в ванную. Краем глаза заметила, что стол чист, пол блестит и ничего общего с кухней из ее кошмара реальная кухня не имеет. Умывшись, она потянулась за тюбиком зубной пасты и вдруг вытаращила глаза: рядом с канареечной веселой щеткой, привычно желтевшей в стакане, торчала другая, такая же, только синяя.

Минуту Ольга морщила лоб. Так ничего и не вспомнила.

Почистила зубы безо всякого удовольствия, вышла на кухню, чтобы сварить себе кофе, механически открыла дверцу холодильника – и замерла, будто прилипнув босыми подошвами к полу.

Холодильник был пуст. Туманилась запотевшая задняя стенка. Сиротливо просвечивали решетчатые полки. В дверце не осталось не то что яиц – даже коробочки с медикаментами не оказалось, даже засохшего ломтика лимона, даже мятой пачки из-под кетчупа.

Ольга закрыла дверцу. Еще раз открыла; ничего не изменилось. Подумав, она наклонилась и посмотрела под шкаф. Там было пыльно, у самой стены лежала старая пробка из-под шампанского.

Завопил дверной звонок. Ольга подпрыгнула.

Снова зазвонили.

Взяв в каждую руку по телефону – стационарный и мобильный, – Ольга двинулась... не то чтобы открывать, нет. Просто посмотреть, кто там пришел.

Дверной глазок искажал перспективу. Ничего нельзя было различить, кроме того, что пришедший – мужчина с двумя большими продуктовыми сумками.

– Кто там? – спросила Ольга слабым голосом.

– Муж пришел! – радостно донеслось из-за двери. – Жратоньки принес!

– Не открою, – сказала Ольга тихо. – Катись.

Стало тихо. Ольга, сама не зная почему, подумала о Вите.

Вите она не говорила «катись», да и он ей не говорил; они были страшно вежливые оба, чопорные, натянутые, как на приеме у английской королевы...

– Оль, – сказали из-за двери, причем наигранная веселость исчезла без следа. – Если ты меня не вступишь, меня убьют.

* * *

Они познакомились на лыжном курорте. На Эдике был черно-белый свитер ручной вязки с двумя оленями на груди. Мамина работа, сказал Эдик, заметив Ольгин взгляд.

И просветлел.

Катался он здорово, но никогда не рисковал. Мне хватает риска в обыкновенной жизни, сказал однажды, смеясь. Я оперуполномоченный...

Ольга взялась за голову.

Она так ясно помнила и тесный холл маленькой гостиницы, и огонь в камине, и подогретое вино в стакане. И запах корицы. И сладость на губах. Но в прошлый раз, в этом же самом воспоминании, Эдик работал в банке!

Она потеряла виски. Посмотрела прямо перед собой и увидела огромный нож с загнутым, как у турецкой туфли, носом. Эдик кромсал этим ножом мясо, а потом, напевая вполголоса, складывал кусочки в разогретую жаровню. Рядом томилась на маленьком огне сковородка, топились сыр, исходя-

ли соком овощи...

– Жаркое будет через час. А мы пока закусим, смотри, что я принес: помидорчики, свежие и соленые, огурцы, зелень, брынза... Хочешь вина?

– Ты кто?

Эдик сглотнул. Потер шею таким нервным жестом, словно ему грозили повешеньем.

– Ничему не удивляйся, ладно?

– Ты кто?

– Да никто! – он то ли рассердился, то ли впал в отчаяние. – Я... Меня ищут. Я прячусь. Оль, не выгоняй меня. Я не бандит, не убийца. Я... долго рассказывать. Но единственный способ для меня укрыться и пересидеть – подключиться к местной информационной сети... сойти за своего. Представь: аист ловит лягушку, а та замирает среди болота, неотличимая от ряски...

– Мимикрия.

– Нет. Это неточный пример, – Эдик сокрушенно покачал головой. – Представь: сокол гонит голубя... А тот садится на дерево и прирастает, как лист. Становится листом.

– Паразитизм, – Ольга нахмурилась.

– Оль, тебе от меня будет только польза, – прижимая ладони к груди, Эдик почти коснулся подбородка кончиком ножа. – Только не удивляйся. В жизни все закономерно, все размеренно, иногда страшно, но поводов для удивления – нет. Ты же такой человек, такой стабильный, определенный,

взвешенный человек. Рациональный, даже когда психуешь.
– Погоди... Откуда ты все-таки меня знаешь?!

* * *

Они поженились весной, когда проклюнулись листья. Сбежали от родственников в аэропорт, а оттуда – к теплому морю.

Все изменилось. Привычки. Взгляды на жизнь. Любимая музыка. Любимые духи. Десять дней они купались, танцевали и строили планы, а когда вернулись домой, то первым делом купили двуспальную кровать с очень упругим, удобным матрасом...

Ольга остановилась на пороге комнаты.

Вот эта кровать. Широченная, загораживает полкомнаты. Укрыта шелковым покрывалом – бабочки и драконы.

Распахнутое окно. Чирикают воробьи. Снова тридцать градусов, лето, жара... У Ольги дрогнули ноздри. Да: запах квартиры изменился.

Немного мужского одеколona. Влажное полотенце на сушилке. Две зубные щетки в стакане – теперь уже точно две. А на кухне...

Ольга открыла холодильник. Полный, как автобус в час пик, продукты борются за пространство: кастрюлька громоздится на судке, пакетик на баночке, сверток на свертке. Понедельник, вечер.

Ольга прошлась по квартире, то хмурясь, то улыбаясь. В гостиной работал ноутбук. Его оставили включенным на журнальном столе; ноут не «заснул», значит, оставили недавно. Две минуты назад, может быть, три...

Компьютер был подключен к Интернету. Ольга испытала мгновенное любопытство – но тут же сочла ниже своего достоинства проверять, какими сайтами интересуется муж. Решительно выключила компьютер, вернулась в спальню, присела на край двуспальной кровати...

Да, они поженились весной! Ольга помнит это так же ясно, как сегодняшнее, к примеру, утро. В том же ноуте, если открыть папку «Фото», найдутся тысячи фотографий – одних только Ольгиных портретов, цветных и черно-белых, гигабайтов пять. Ведь муж ее – дизайнер и фотохудожник...

Как?!

Рывкнул дверной звонок. Ольга подпрыгнула; толчком заболела голова. Наверное, и сознание ее на время помутилось, иначе нельзя объяснить поспешность, с которой она открыла дверь. На лестничной клетке перед ней обнаружили двое хмурых рабочих с железными решетками в руках; Ольга отшатнулась.

– Решетки привезли, – вместо приветствия сказал старший рабочий, дородный и усатый. – Занести можно?

– Какие решетки?

– На окна, от воров! – объяснил второй, маленький и белобрысый. – Виктор Александрович... да вот и он сам.

На лестничную площадку поднялся Виктор – очень прямой, в летнем костюме и при галстукe, несмотря на жару. Он был начальником строительной фирмы и со временем обещал вырасти в действительно крупного бизнесмена; Ольга, охнув, отступила в прихожую.

Ее судьба снова порвалась и расползлась, как рваные колготки. Виктор – реален. В ее жизни нет и не было никакого Эдика!

– Привет, – сказал бывший муж и мельком оглядел переднюю. – Поскольку квартира отчасти моя и на опознание твоего трупа мне не хочется, то привез решетки, как ты просила. Мужики, давайте.

– погоди, – сказала Ольга, чувствуя, как немеет лицо. – Что значит – «давайте»? Сперва покажите, что за решетки...

– Обыкновенные, – усатый рабочий, пыхтя, втащил в прихожую первую партию железяк. – Куда бы тут прислонить?

– погоди, – сказала Ольга уже с возмущением. – Это же тюремный дизайн!

– Ерунда, – Виктор повысил голос. – Отличные решетки! Еще усиленные, но ты же сама говоришь, что воры...

– Я не собираюсь жить в тюрьме! В гробу я видела твои медвежьи услуги! – Ольга загородила собой вход в спальню. – Мне ничего не нужно, а понадобится, я сама поставлю, я вполне в состоянии...

– У тебя новая мебель? – спросил Виктор неуловимо изменившимся, истончившимся, как бритва, голосом.

Он смотрел поверх Ольгиного плеча на двуспальную кровать под шелковым покрывалом.

Ольга растерялась.

Виктор прошелся по прихожей, раздувая ноздри. Распахнул дверь в ванную. Конечно, влажное полотенце, мужской одеколон на полочке и две зубные щетки никуда не делись.

– Поздравляю, – сказал Виктор сквозь зубы. – Больше, пожалуйста, не звони.

Через минуту рабочие, перемигиваясь, вытащили решетки из квартиры и принялись грузить их в грузовичок под самыми окнами, а Виктор стоял поодаль, на краю детской площадки, и курил, повернувшись к дому спиной.

Ольга набрала его мобильный номер. Виктор и ухом не повел – стоял и курил, хотя телефон в его кармане курлыкал на весь двор.

* * *

Наступил вечер. Потом ночь.

Ольга легла спать одна – на широченной кровати, показавшейся пустой и холодной. Она то проваливалась в сон и начинала видеть цветные бессвязные картинки. То просыпалась, сжимала ладонями виски; ей вспоминался странный тощий человек, пожирающий сырки прямо в оберточной фольге.

Где его носит? Куда он ушел, почему до сих пор не вер-

нулся?

В два часа ночи она встала, заварила себе чая и уселась с чашкой на подоконник. Верещали цикады, на дальнем конце двора обнимались влюбленные на скамейке. Точеным силуэтом прошмыгнул соседский кот.

Нет никакого Эдика и не было. А если и был, если навещал ее в бреду какой-то морок – теперь он ушел и больше не вернется; ничего удивительного. Такие люди, как Ольга, прекрасно существуют в одиночестве. Я сама по себе, я самодостаточна. Три часа утра. Четыре.

Можно огорчаться. Можно даже поплакать или принять курс транквилизаторов. Но нельзя удивляться тому, что случилось; это естественно. Она живет жизнью, которая ей нравится. Рассталась с Витей. И хватит экспериментов.

Приближался рассвет. Завтра с утра на работу. Жизнь войдет в колею: утро, день, вечер, Новый год, Восьмое марта, снова Новый год... Она зажмурилась, чтобы не выпустить слезы, и так, с закрытыми глазами, услышала шаги.

Он шагал по пестрому от рисунков асфальту, по намаляванным домикам и красавицам с пышными волосами. За ним тянулась длинная тень от уличного фонаря.

* * *

– Где ты был?!

Он стоял перед ней, бледный, с кругами вокруг глаз, с ви-

ду очень усталый. На щеке краснела свежая ссадина.

– Ты что, дрался?!

– Нет, – он снял в прихожей туфли, – хотя... Сложно было выпутаться. Понаставили везде колючей проволоки...

– Проволоки? Кто?!

– Это я так, фигурально выражаясь, – он потер скулу. – Оля, а что у тебя на кафедре? Антонова увольняется или нет?

– Не увольняется, – Ольга смотрела, как он стягивает рубашку. – Переходит на полставки, ее часы поделят между мной и Ирой... Эд, тебе это интересно?

– Конечно.

– В пятом часу утра?

– А что удивительного? – он остановился на пороге ванной. – Мы ведь почти не говорили со вчерашнего дня!

Перехватив ее взгляд, он вдруг забеспокоился, подошел ближе, положил большие ладони ей на плечи:

– Ты волновалась? Прости. Я не смог тебе позвонить... Я больше так не буду. Ложись, ведь уже практически утро...

Лежа под простыней, Ольга слышала, как перестала шуметь в душе вода. Мелькнул и погас свет; босые ноги прошли по скрипучему паркету. Тень ивы лежала на полу, переплетаясь с лунным светом причудливее любой решетки...

– Слушай... ты реален?

– Конечно, – он улегся рядом, вытянулся, тихо засмеялся. – Ты, наверное, очень устала, Оля?

* * *

Утром пел соловей.

– Ему заплатили, – сказала Ольга.

– Он повинуется природе, – серьезно возразил муж.

Они лежали, сцепившись, как две части сложной детали.

Две идеально заточенные друг под друга части.

– Оль...

– Что?

– Ничего, – он вздохнул. – Поспим?

– Мне на работу, – она опять засмеялась. – Сессия на носу.

– Махнем на море? В смысле после сессии?

– А куда?

– Куда скажешь... Пусть даже жара.

У Ольги дрожали ноздри. Луч солнца упал на подоконник, соловья поддержали мощным хором воробьи...

– Эд... а правда, мы счастливы?

– Разумеется. Почему должно быть иначе?

* * *

– Что с тобой, Ольга Николаевна? – спросила коллега Ирина.

Это был шестой или седьмой вопрос за день. Спрашивали

студенты, преподаватели, случайно встретившаяся во дворе соседка, даже знакомый кот, дежуривший на углу рынка, посмотрел с изумлением: что с тобой?

– Ничего. А что?

– Ты какая-то...

– Обыкновенная, – Ольга с достоинством выпрямила спину. – Человек рожден для счастья, как птица для полета. Ничего удивительного.

– Вы ребенка не планируете? – Ирина поправила очки в тонкой оправе.

– Мы? – механически переспросила Ольга.

– Ну да. С Эдиком. Он же хотел ребенка, ты говорила, так? – Ирина ухмыльнулась кончиками губ. – Вот это будет счастье, это да. Только ходить и светиться времени не хватит и сил! – Она назидательно подняла палец.

– Хватит, – сказала Ольга. – Вот увидишь – буду ходить и светиться.

– Неудивительно, что тебе так везет, – с ноткой печали сказала Ирина.

Ольга засмеялась и вышла с кафедры.

На улице был снегопад в тридцатиградусную жару. Летел тополиный пух, прохожие шагали в струистом воздухе и отражались в сухом горячем асфальте, будто горячие парафиновые тени. Липы тянули ветки над мостовой и тротуарами, в их пушистых зарослях гудели пчелы, гудели машины в раскаленных пробках, гудело, трескаясь от зноя, бледно-синее

небо над городом. Цокая каблуками, Ольга удивилась этому миру, может быть, впервые в жизни.

Изумилась, как детсадовец в цирке. И рассмеялась сама себе.

* * *

– Ольга Николаевна?

Человек лет сорока, лысоватый, с серыми внимательными глазами, поднялся со скамейки у парадного.

– Я прошу прощения... Можно отнять у вас несколько минут?

Он что-то вытащил из внутреннего кармана рубашки. Мелькнули красные «корочки», но Ольга ничего не успела толком рассмотреть.

– Не волнуйтесь, только несколько минут... Мы занимаемся расследованием тяжкого преступления. Преступник, предположительно – гипнотизер, человек с сильной волей, легко подавляющий и вводящий в заблуждение менее стойких граждан... Авантюрист, он втирается в доверие к одиноким женщинам, а потом убивает их ради жилплощади. У него было уже пять или шесть «жен», Синяя Борода рядом с ним – мальчишка... Может представляться как Эдуард. У нас есть опасения, что... вы меня понимаете?

– Нет, – сказала Ольга.

Ей сделалось очень холодно посреди залитого солнцем

двора, полного листвой и воробьями.

Лысоватый прищурился:

– У нас есть основания полагать, что следующей жертвой так называемого Эдуарда будете вы, Ольга Николаевна.

– Это полная ерунда, – сказала Ольга с достоинством. – Я не знаю никакого Эдуарда. Моего бывшего мужа зовут Виктор, мы давно расстались и не жалеем об этом. Кстати, Виктору принадлежит половина квартиры, в которой я сейчас живу, и версия о «наследовании» несостоятельна. А теперь, позвольте, я пойду...

– Погодите, – в голосе лысоватого прорезалась сталь. – Одну минуту, Ольга Николаевна. Вы трезво рассуждаете... Но продолжаете его покрывать?

– Я не понимаю, о чем вы, – сказала она холодно. Развернулась и зашагала к двери парадного, но лысоватый преградил ей дорогу.

– Вы что же... Я не могу представить, что вы вступили с ним в сговор сознательно... Он сказал вам, что он – вероятностная флюктуация, так? И вы поверили?

– Он такого не говорил, – пролепетала Ольга.

Лоб ее собеседника пересекли пять параллельных морщин – будто пустой нотный стан:

– А что он говорил? Как-то он объяснял свое неожиданное появление, и то, что вы совсем не удивились... Вы ведь не удивились вначале?

– Удивилась, – сказала Ольга и поняла, что это неправда.

– Он авантюрист, – с нажимом сказал сероглазый. – Гипнотизер. Он ввел вас в состояние транса.

Двор съезжился, небо опустилось ниже.

– Чего вы хотите? – спросила Ольга, с трудом выталкивая каждое слово.

– Он дома? – быстро спросил лысоватый.

– Не знаю, – призналась Ольга после паузы.

– Тогда давайте поднимемся... Если он есть, побеседуем троим. Если нет... Я хотел бы его дождаться.

Ольге показалось, что дверь в парадное прыгнула на нее, размазалась в пространстве и наделась на шею, как ожерелье. В мареве плыли серые ступеньки; Ольга считывала их ногами, как пальцы пианиста считывают клавиши. Сероглазый шел за ней и говорил, он говорил страшно много, слишком много, будто от радости, что она слушает его, не мог никак замолчать:

– Мне жаль вас... Ольга Николаевна. Но вы подумайте, вы взрослая женщина: как такое может быть? Ни с того, ни с сего у вас появился муж, у ваших отношений – история, которой на самом деле не было... И вы это в глубине души понимаете... Он издевается над вашими чувствами. Он всегда так. Он хочет вашу квартиру...

Ольга стояла на лестничной площадке с ключом в руке, и дверь квартиры медленно приоткрывалась.

– ...Он не рассказывал вам, что он парадокс? Что одним своим существованием нарушает законы физики? А на са-

мом деле он применяет комплексный гипноз, в ход идут слова, взгляд, жесты, даже запах!

Ольга медленно вошла в прихожую. Не переставая говорить, лысоватый обладатель «корочек» сунулся в кухню, заглянул в ванную; тогда Ольга, закусив губу, толкнула его внутрь – вложив в этот толчок все силы, что у нее были.

Щелкнула задвижка. Чтобы высадить эту дверь, ему потребуется секунд двадцать...

– Эдик! Уходи, тебя хотят убить!

Большая комната была пуста. На журнальном столе мерцал включенный ноутбук; Ольга метнулась в спальню, но в этот момент на пороге появился лысоватый. Дверь ванной комнаты, еще узнаваемая, стекала у него по плечам, как оплывающее желе; с пластмассовым стуком отвалилась железная петля.

– А вы боец, Ольга Николаевна. Он все рассчитал. Как ловко впелся в эмоциональную сеть, как точно угадал ваши желания... Затесался в вашу жизнь под видом старого плаща, но, существуя впроголодь, захотел энергии, эмоциональной подпитки... И получил ее, да, получил! С вами, чокнутая вы баба, он стал сильнее...

Паркет под ногами вдруг просел, и Ольга утонула в нем по щиколотку.

– Проклятая жара? – спросила она с надеждой, глядя, как жирными каплями стекают остатки двери по штанинам, по лацканам человека с фальшивыми «корочками».

– Нет, – лысоватый, кажется, торжествовал. – Вы сами не понимаете, во что влипли, Ольга Николаевна. Вы эмоционально с ним связались, он крючочек, а вы петелька. Он зависит от вас, для вас это очень плохо. О-Си-Эй! Проявляйся, или ей конец!

Оглушительно чирикали воробьи за приоткрытым окном. Ольга задергалась, как муха на липкой ленте.

– Эдик! Уходи!

На крик должны были сбежаться соседи, но Ольга и сама понимала – крика нет. Она разевает рот, как поющая рыба, а паркет ее собственной комнаты втягивает ее все глубже, вот утонул подол юбки, вот цепкая, как бетон, жижа подступила к коленям, и хватит уже, хватит, я хочу проснуться, что за бред...

– Эдик!

Стены лопнули, и комната пропала. Обои разбились, как стекло, из-под них проступили кирпичи, но не белые, силикатные, из каких был сложен дом, а красные, кое-где покрытые сажей и поросшие мхом. Ольга, дернувшись, не смогла освободиться – и тут же ощутила, как две горячие руки ложатся ей на плечи.

– Эдик?!

– О-Си-Эй, – лысоватый человек преобразился, теперь он был уже совершенно лысый и вместо серого костюма на нем был серебристо-черный, как расплавленная смола, комбинезон. – Только посмей. Только...

– Я ПОСМЕЮ.

Реальность дрогнула.

Воробьи обвилились вокруг ствола, подрагивая тонкими антеннами. Телевизор развалился пополам, выпуская на волю румяные зрелые семена. Соседская машина «Жигули» обернулась порносайтом, а из горячего крана на кухне потоком хлынули флешмобы. Ольга стояла посреди этого безобразия, по-прежнему увязнув в твердом полу, чувствовала руки на плечах и – присутствие рядом обезумевшей слепой силы, готовой взболтать сейчас весь мир, как яичницу в шейкере.

– Стой! – лысоватый тоже почувствовал присутствие силы. Он пятился, пенился и шипел, как струя из огнетушителя. – Стой... Назад... Я выпускаю ее!

– ВЫПУСКАЙ.

Ольга сделала шаг, будто марионетка, и села на паркетный пол. Комната была на месте, чирикали воробьи за окном, ноутбук на журнальном столике темнел пустым экраном. В прихожей, у самой двери, стоял лысоватый человек с разбитым носом, и черные капли падали ему на рубашку.

– Вот каждая баба хочет, чтобы вокруг нее вращался свет, – сказал лысоватый с непонятной тоской. И вышел не попрощавшись.

* * *

Они пили кофе. Слезы капали в чашку, круги расходились

по темной поверхности.

– Значит, не было никакого лыжного курорта? И свитера?
И камина?

– Нет.

– И моря тоже не было?

– Не было, Оль. Я все врал.

– А ты...

– Нет, не то, что ты думаешь... Я в самом деле парадокс
информационного пространства. Узелок на ткани. Я был ра-
нен и очень ослаб. Я пришел к тебе, потому что ты ничему
не удивляешься. И они не нашли меня.

– Кто?

– Законы физики не для того писаны, чтобы их нарушать,
мироздание сопротивляется и хочет прибить возмутителя
спокойствия. Я не могу сидеть на месте. Вечно то прячусь,
то воюю. Они зовут меня вирусом О-Си-Эй.

Слезы потекли обильнее, и поверхность в чашке пошла
кругами, как лужа во время дождя.

– И ты можешь...

– Да, – он кивнул. – Я могу парализовать мировую банков-
скую систему. Я могу блокировать Интернет – полностью. Да
что там – я могу отключить электроэнергию везде, всюду,
разорвать сеть в клочки... Энергетическую. Информацион-
ную. Эмоциональную... Оленька, прости меня, дурака. Не
плачь.

– Я думала, ты мой муж... Я тебе поверила...

– А я и есть твой муж.

– Нет. Ты виртуальный, как в «Матрице»...

– Я реальный, – сказал он горячо. – Я есть. Этого достаточно.

Они помолчали.

– Я удивилась, – призналась Ольга. – Я впервые посмотрела на мир, как...

– Да, знаю. На это твое удивление меня поймали.

– Прости.

– Ну что ты. Ты приютила меня и защитила. Если бы не ты, меня прихлопнули бы, как муху.

– За что?

– Я слишком опасен, Оль. Я очень много могу. Это ненормально.

– Зачем ты ел сырки в фольге? – спросила Ольга, рыдая над чашкой.

– Мне надо было восстановить энергобаланс в человеческом теле... честно говоря, я не подумал, что фольгу надо снять.

И он грустно покачал головой.

* * *

Антонова все-таки уволилась, и Ольге досталась половина ее академических часов.

Миновало лето. Пролилась осень.

Зимой Ольга поехала на лыжный курорт, одна. Она часами сидела у камина в маленьком в холле гостиницы, пила подогретое вино и прогоняла любого, кто решался завести с ней разговор.

Наступила весна.

* * *

– Привет, – сказала телефонная трубка. – Ты только не удивляйся.

Снег

Она открыла глаза. Потолок был высокий и очень белый, похожий на перевернутое снежное поле. В комнате светало. Который час?

Она протянула руку направо, где обычно стояла тумбочка. Или комод. Вот, так и есть: твердая прохладная поверхность, часы на ремешке... И вот главное: зеркало и паспорт.

Села на постели. Поглядела сперва в зеркало: заспанное лицо, серо-голубые глаза, светлые волосы до плеч. Развернула жесткие «корочки» и уставилась на паспортную фотографию: здесь она помоложе лет на пять, при макияже, короче постриженная, но, безусловно, это она и есть. Петровская Ева Александровна.

Оглянулась; рядом посапывал мужчина. Спал на боку, повернувшись к женщине спиной. Его темные волосы чуть поредели на макушке, и одеяло он натянул до самого уха.

Муж. Она замужем. В последнее время охладели друг к другу. У мужа, кажется, есть кто-то на стороне...

Он обвела глазами супружескую спальню. Добропорядочно, хоть и несколько пыльно. Пара фото на стене, традиционные, свадебные. Дети есть? Она прислушалась к себе; детей нет. Ну и ладно. Доброе утро, Петровская Ева Александровна.

Вчера ее звали Елена Людвиговна Петри. Она была ры-

жей, вернее, красилась в рыжий цвет, и служила секретаршей у медиамагната.

Память о «вчера» живет только в первые минуты после пробуждения, потом ее вытесняет ежедневный быт. Всякий раз новый. Чтобы не сбиться, не запутаться, она кладет на тумбочку паспорт и зеркало. Где бы ни ложилась спать – в гостинице, в тесной одинокой квартирке или супружеской спальне.

Ева поднялась и подошла к окну. Кружатся снежинки. Горят фонари, хотя совсем почти светло. Позднее утро, декабрь, на календаре – тринадцатое декабря, если оторвать листок – вот так, – наступит четырнадцатое. Сегодня. Что же это за город, в котором я живу?

Минск. А вчера был Вильнюс. Позавчера она была полькой в маленьком городке Ольштыне, где аккуратные домики и много озер, а в старом центре по вечерам играет оркестр. Она уже не вспомнит, как ее звали позавчера и как звали позапозавчера. Был город Щецин, а перед этим Гамбург, а перед этим Амстердам. Она определенно движется с запада на восток, между пятидесятой и шестидесятой параллелью. Куда?

Нельзя об этом задумываться. Надо смело и счастливо прожить этот день, Ева Александровна, не надо помнить. Следует верить, что это всего лишь легонькое психиатрическое расстройство. Никому не надо об этом знать.

В ее власти было вообще не ходить на работу. Все равно завтра она проснется в другом доме, в другом облике, с другим паспортом на тумбочке. Или на комодe. Или на табуретке – на чем-нибудь, что стоит у кровати, что можно придвинуть к кровати. Где будет завтра Ева Александровна Петровская? В смутных воспоминаниях. Или нигде. Прошлогодняя фантазия.

Она никогда не помнила телефонов. Нет памяти на цифры. А записи не сохраняются, когда во сне перескакиваешь из одной жизни в другую, похожую, но не такую.

Когда-то, помнится, она была учительницей. Потом стала воспитательницей в детском саду. Потом медсестрой. Потом врачом. Потом чиновником в медицинском ведомстве. Потом опять чиновником при каких-то лесозаготовках. Потом бизнесвумен, вице-президентом крупной фирмы. Потом секретаршей. Сегодня она журналист в приличном журнале, немного глянцевоm, но все-таки приличном, без излишней желтизны. Интересная работа; надо поярче прожить этот день.

Она шла по улицам незнакомого города, который был ей родным. Ева Александровна родилась здесь и выросла. Какой красивый, чистый город. Какой белый снег на карнизах, как он кружится, мокрый, желает удержаться на траве, на

крышах, хочет жить, эфемерный, преходящий. Как прекрасно быть снегом на один день.

Прожить его – так, чтобы потом не жалеть. И увидеть вечер.

* * *

– Ева, разреши тебя угостить?

В уютном уголке кафе, где столовалась почти вся их редакция, пахло сигаретным дымом и мокрой шерстью. Андрей, зам главного редактора, сидел напротив, вертя в пальцах ай-фон, время от времени чуть не роняя его в коньячную рюмку.

– С какой стати? – она прищурилась.

– Просто так, – он улыбнулся. – День был тяжелый...

Он оглянулся. Потом вдруг наклонился через стол, провел большим пальцем по ее щеке и откинулся обратно, тяжело дыша.

Она подняла брови.

– Я схожу с ума, – тоскливо признался Андрей. – Я схожу по тебе с ума, Ева.

И, не дожидаясь ответа, позвал официанта:

– Еще сто граммов коньяка, пожалуйста, да, того же... И два эспрессо.

Ева закурила. Андрей сидел перед ней, решительный и трогательный одновременно.

– И что? – спросила она, помолчав.

– Ты ведь не любишь мужа. Слушай: переезжай ко мне.

– Я подумаю, – она мягко улыбнулась.

– О чем тут думать? Поехали ко мне, ну пожалуйста...

– Завтра, – она затушила в пепельнице едва начатую сигарету. – Завтра обязательно.

* * *

Она проснулась в темноте. Зима; утро. Нащупала кнопку лампы на тумбочке. Зажмурилась от вспыхнувшего света. Вот они, зеркало и паспорт: лежат друг на друге, как любовники.

Первый взгляд – на себя... Загорелое круглое лицо, каштановые волосы: Елизавета Григорьевна Петренко. Гражданка Украины. Позавчера мы вернулись из Турции – я, муж и близнецы... Так, двое детей, вот их фото в рамке на тумбочке, Саша и Оля. Рядом на кровати пустое место: муж уже встал, гремит кастрюльками на кухне, готовит завтрак.

– Деточка! Ты уже проснулась? Малым я сварил гречневую кашу, а ты что будешь?

Она улыбнулась. Муж показался в дверях спальни, поверх халата – смешной кухонный фартук, привезенный из Лондона.

– Спасибо, я сама себе сделаю омлет...

– Мама! Он порвал мою резиночку!

Ворвалась девчонка, щекастая и очень похожая на мужа, а за ней мальчишка, на полголовы ниже и килограмма на три легче.

– Я нечаянно. А ты ябеда... Мама! Мы хотели сегодня пойти за нашим щеночком, ты помнишь?

Она вспомнила: в самом деле, насчет собаки решено, щенка выбрали, сегодня после трех их ждет заводчица. Далматинец, как в мультике, смешной, черно-белый...

Сидя на краю постели, обняла детей, чувствуя их запах – мыла, кожи, детского пота.

– У меня сегодня очень трудный день... Могу не успеть... Давайте так: если не сегодня, то завтра, я обещаю. Завтра, хорошо?

* * *

Она проснулась и первым делом потянулась к тумбочке. Евгения Игоревна Петрова. Золотисто-смуглая, с вьющимися волосами, высокими скулами и немного курносый носом. Похожа на Елизавету Григорьевну – если бы той чуток похудеть.

Но Елизаветы в Киеве больше нет. Нет мужа рядом – кровать узкая, квартирка крохотная. Нет детей. Я не замужем, я свободна, мои родители живут в Америке, брат – в ЮАР. А я живу...

Она выглянула в окно. Туман. Блестит мостовая.

Город Москва.

Хорошо бы поярче прожить этот день.

* * *

Ночью все поверхности оказались матовыми. Матовый асфальт и неблестящие витрины, матовое небо. Тусклые двери супермаркета разъехались навстречу, толчком выпустили волну теплого влажного воздуха, и Женя вошла. Стойки, ребра металлических тележек, ряды уставленных товаром полок были подернуты будто инеем. Мягко блестел отделанный плиткой пол.

Из десяти касс работали только две. Женя прошла вдоль полок, механически бросая в тележку то пачку соли, то банку консервов, то башенку кефирной упаковки. У холодильника с йогуртами стоял человек в короткой черной куртке, матовой, как этот вечер.

Женя мимоходом взглянула ему лицо. Отвела взгляд, потом посмотрела еще раз. Человек шевелил губами, читая надписи на пластиковой коробочке, у него было удивленное и счастливое лицо.

– Сахар, натуральная вишня... Вишня! Сто двадцать пять граммов... хорошо, – он фыркнул, облизнулся, быстро поставил йогурт обратно на полку и, пройдя несколько шагов, подхватил с полки плитку шоколада.

– Тертое какао, сахар, какао-порошок, какао-масло,

эмульгатор-лецитин... надо же... ароматизатор «Ваниль», идентичный натуральному. Может содержать в незначительном количестве молокопродукты и орехи... Сто граммов. Ой. Много.

На лице человека в черной куртке появилось выражение, похожее на экстаз. Он икнул и осторожно вернул шоколад на место.

Женя подумала и взяла с полки другую плитку – с молоком и орехами.

– Этот не такой вкусный, – шепотом сказал странный покупатель. – Вот этот, черный, с какао и эмульгатором... Просто чудо.

– Вы пробовали?

Она чувствовала себя, как весенний снег. Ее жизни в облике Жени оставалось несколько часов. Зачем она покупает шоколад? Она не сможет забрать его с собой в будущее, где новый город, новый облик и новая жизнь. Новый паспорт. Хорошо, что мы живем в век поголовной паспортизации – по крайней мере, можем оперативно установить собственную личность.

Человек в черной куртке судорожно сглотнул.

– Сто граммов шоколада, – сказал и улыбнулся. – Да, я пробовал. С какао и эмульгатором.

– Что за дрянь этот эмульгатор?

– Не знаю. На вкус не определяется.

Приятельски кивнув Жене, он переметнулся к полке на-

против и снял полукилограммовую упаковку мюсли. Прочитал состав, всматриваясь в крохотные строчки, и вдруг поперхнулся.

– Вот же дрянь... Ну разумеется, способ приготовления: залить кипящим молоком и оставить на... Как можно вот так, в открытом доступе, продавать неготовые продукты?!

– Вы что, впервые видите мюсли? – удивилась Женя.

– Как сказать, – он смутился, было видно, ему хотелось произвести на Женю хорошее впечатление, и тот факт, что он никогда не видел мюсли, мог его скомпрометировать. – Это... это вкусно?

– Мне нравится. Но, конечно, надо залить горячим молоком и поставить в микроволновку...

– Там йогурты очень вкусные, – посоветовал он несмело. – Там, в холодильнике. Попробуйте.

Он похож на гостя из голодной страны, подумала Женя. Из дальнего поселка, затерянного в пространстве и времени. А с виду – такой же, как все, человек из толпы. Бродит поздним вечером по супермаркету, но при нем нет ни сумки, ни тележки для продуктов, ни единой покупки.

Безденежный? Всякое бывает...

– Почему же вы себе ничего не купили? – спросила она осторожно.

Он улыбнулся.

Только что Женя была уверена, что перед ней блаженный – чудака или, может быть, даже городской сумасшедший. Те-

перь, когда он улыбнулся, из глаз его исчезло мечтательное выражение. Он смотрел прямо и остро, в его взгляде был блеск хирургического инструмента.

– Вы забыли салфетки, – сказал он вкрадчиво.

– Что?

– В вашем списке покупок были еще салфетки. Вы сейчас пойдете к кассе, а салфетки забыли.

– Спасибо, – сказала она, растерявшись всего на секунду.

Новый способ знакомиться? С салфетками этот человек угадал, но Женя решила не выказывать ни удивления, ни заинтересованности...

Если это специалист по съему, желающий соблазнить женщину на одну ночь – порядочную, заметьте, женщину, без всяких легкомысленных склонностей... Ловелас? Спортсмен-соблазнитель? А почему бы и нет, если завтра Женя проснется далеко от Москвы, и звать ее будут по-другому, и, что самое смешное, – окажется, что ее всегда так звали. Прошлое сидит на булавке, как дохлая бабочка, подшито в архив со множеством любительских фотографий: с мамой, с братиком, в школе, в институте...

– Спасибо, – повторила она рассеянно. Бросила в тележку упаковку ярко-синих салфеток и направилась к кассе. Незнакомец, снова забыв о ней, двинулся параллельным маршрутом; краем глаза Женя увидела, как он берет с полки огромную бутылку вермута.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.